

АНДРЕ МОРУА

Прометей, или Жизнь Бальзака

PREMIUM

Андре Моруа

Прометей, или Жизнь Бальзака

«Азбука-Аттикус»

1965

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Моруа А.

Прометей, или Жизнь Бальзака / А. Моруа — «Азбука-Аттикус»,
1965

ISBN 978-5-389-16778-0

Андре Моруа, классик французской литературы XX века, автор знаменитых романизированных биографий Дюма, Бальзака, Жорж Санд и др., считается подлинным мастером психологической прозы. Виктор Гюго в день похорон Бальзака на кладбище Пер-Лашез сказал: «Все его книги образуют одну книгу, живую, блистательную, глубокую, где живет и движется страшная, жуткая и вместе с тем реальная наша современность». С тех пор сложилась огромная библиотека, посвященная создателю «Человеческой комедии»: воспоминания, исследования, романы и эссе, скрупулезно прописанные биографии и комментарии. Однако книга Моруа «Прометей, или Жизнь Бальзака» занимает здесь совершенно особое место. Год за годом рисует биограф необычайную жизнь своего персонажа: трудоголик, жаждущий славы и денег, вечный должник и пылкий влюбленный, отважный первопроходец, исследователь общества, французской истории и современности — Моруа рассказывает обо всех этих ликах Бальзака с поистине бальзаковской эрудицией и темпераментом.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-16778-0

© Моруа А., 1965
© Азбука-Аттикус, 1965

Содержание

Введение	6
Часть первая	8
I. Бернар-Франсуа Бальзак, или Тур в годы правления Бонапарта	8
II. Рано созревший философ	17
III. Из Тура – в Марэ	23
IV. Ученические годы гения	32
V. Первые романы, первая любовь	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Андре Моруа

Прометей, или Жизнь Бальзака¹

Посвящается Симоне

*Если выбирать между Фаустом и Прометеем, я предпочитаю
Прометея.
Бальзак*

Введение

Перед вами – жизнеописание Бальзака. Жизнеописание, а не критическое исследование. Филипп Берто сказал все о взглядах Бальзака на религию; Курциус, Ален, Гаэтан Пикон – о мировоззрении Бальзака; Бернар Гийон, Доннар, Вюрмсер – об отношении Бальзака к жизни социальной; Жан Помье, Морис Бардеш, Пьер Лобрие – о творчестве Бальзака; Пьер Абраам, Фелисьен Марсо, доктор Фернан Лотт – о персонажах Бальзака; Роже Пьерро и Жан А. Дюкурно – о переписке Бальзака. Марсель Бутерон сказал все обо всем. Целая когорта отлично знающих предмет бальзаковедов – от Мари-Жанны Дюрри до Пьер-Жоржа Кастекса, от Пьера Моро до Антуана Адана, от Мориса Регара до Сюзанны Ж. Берар, от Мадлен Фаржо до Мари-Анны Мейнингер и многих других, которых я упомяну в свое время, – занималась его произведениями: они писали предисловия к романам Бальзака или рассматривали дотоле мало изученные стороны его творчества. Ни один писатель, если не считать Шекспира, не вызывал такого поклонения, и ни один писатель не был в такой мере этого достоин. Бальзака изучали и будут исследовать впредь, как изучают и исследуют мир, потому что он и есть целый мир.

Жизнеописания Бальзака, которыми мы располагаем (а среди них есть и весьма примечательные, например книги Андре Бийи и Стефана Цвейга), появились еще до расцвета научного бальзаковедения. Я сделал попытку подвести некий итог. Кое-кто скажет: «Что нам до жизни Бальзака? Важны только его творения». Этот старый спор мне всегда представлялся пустым. Мы знаем, что творчество писателя нельзя объяснить только его жизнью; мы знаем, что самые значительные события в жизни творца – это его произведения. Но жизненный путь великого человека и сам по себе представляет огромный интерес. Бальзак, в основе философии которого лежала идея единства мира, не раз говорил, что «таинственные законы плоти и чувства» управляют творчеством, как и жизнью. Казалось бы, трудно отыскать точки соприкосновения между творцом, порождающим собственный мир, и веселым толстяком, которого забавляют каламбуры. И все же это необходимо сделать. В силу непрестанного взаимопроникновения поступки, мысли, встречи Оноре де Бальзака питали «Человеческую комедию». Мы постараемся рассмотреть некоторые аспекты этой таинственной алхимии.

Бальзак хотел быть секретарем современного ему общества; я здесь выступаю лишь в роли секретаря Бальзака. Вполне понятно, что я не разделяю всех его политических и религиозных взглядов, но разве дело в этом? Установить, был он прав либо не прав в том или ином случае, – дело моралистов. «С великими писателями не спорят, – учил нас Ален, – к ним испытывают признательность за то, что они нам дают». Да и кто отважится судить Прометея? Бальзак был то святым, то каторжником, то честным, а то подкупленным судьей, министром, светским щеголем, куртизанкой, герцогиней и всегда – гением. Мы покажем его в минуты творческого экстаза и в такие минуты, когда, «подобно моряку, вернувшемуся в порт», он предается веселью. «Ткань нашей жизни соткана из перепутанных нитей, добро и зло соседствуют в ней». Это справедливо в отношении Бальзака, как и в отношении любого из нас.

Читатель найдет в конце книги указания на источники, которыми я пользовался. Я выражаю особую признательность Мадлен Фаржо, соблаговолившей прочесть всю мою рукопись и передать мне множество еще не опубликованных документов; я приношу благодарность Андре Шансерелю, Роже Пьерро – за его превосходные биографические заметки и Морису Бардешу, чье великолепное издание сочинений Бальзака, опубликованное «Клуб де л'Оннет Ом», было для меня просто бесценным; я глубоко благодарен моей жене, которая поддерживала меня все то время, какое я посвятил этому обширному труду, и, конечно же, заслуживает упоминания в ряду ученых-бальзаковедов. Наконец, я хочу здесь воздать должное двум ныне уже покойным людям, без которых никогда бы не возник замысел этой книги: Марселю Бутерону, ибо он первый приобщил меня к богатствам собрания Шпельбера де Лованжуля², и моему учителю Алену, который некогда, открывая мне глаза на окружающую жизнь, побудил меня броситься очертя голову в мир «Человеческой комедии». Больше я этого мира не покидал. Возраст уже не позволяет мне строить широкие планы и вести долгие научные изыскания. Это моя последняя биографическая книга. И меня радует, что ее героем стал Бальзак.

А. М.

---

² Шпельбер де Лованжуль – Лованжуль Шарль де (1836–1907) – бельгийский аристократ, признанный эрудит, писатель, коллекционер, собиравший рукописи таких писателей, как Бальзак, Готье, Жорж Санд, Флобер (собранная им громадная коллекция хранится в библиотеке Института Франции); автор фундаментальной работы «История произведений Бальзака» (Spoelberch de Lovenjoul Ch. Histoire des œuvres d'Honoré de Balzac. Paris: Calmann Lévy, 1879).

Часть первая Восхождение

Поговорим немного о Бальзаке, это так благотворно.
Жерар де Нерваль

І. Бернар-Франсуа Бальзак, или Тур в годы правления Бонапарта

Второй такой семьи, как наша, во всем свете не сыскать.
Бальзак

В 1799 году, когда родился Оноре Бальзак, Франция словно выздоравливала после опасной болезни. Десять лихорадочных лет породили в стране отвращение, беспокойство и усталость. Участники плебисцита почти единодушно высказались за установление Консульства. Нацию не подвергли насилию; она подчинилась по собственной воле. Католики хотели спокойно отправлять обряды. Разбогатевшие якобинцы приняли, хоть и не без саркастической усмешки, восстановление церковного культа в надежде сохранить свои доходы. В Туре, административном центре провинции, живописно расположенном на берегу красивой реки, замирение было встречено одобрительно. В 1801 году Бонапарт назначил сюда префектом генерала де Помереля; при старом режиме Померель, который впоследствии оказался умелым администратором, был артиллерийским офицером и сотрудничал в Энциклопедии. Первый консул сохранил к нему признательность, ибо тот во время экзаменов в военном училище Бриенна высоко оценил познания юного Наполеона.

Генералу-префекту пришлось приспособливаться к политике правительства в области религии. Он открыл двери кафедрального собора Святого Гасьена священникам, которые пожелали отслужить там благодарственный молебен, затем восстановил в правах архиепископа, монсеньора де Буажелена, и вручил ему ключи от этого храма, обратившись к церковному сановнику с патриотической речью, посвященной Конкордату. Архиепископ удовлетворялся тем, что весьма холодно ответил префекту несколькими словами, не имевшими отношения к столь важному событию.

Оба этих человека впоследствии часто вступали в конфликт. Архиепископ требовал возвращения колоколов кафедрального собора, снятых по решению мэрии; он хотел, чтобы убрали фригийские колпаки с церковных колоколен и заменили их крестами. Префект послал запрос министру, и правительство, более терпимое, чем местные якобинцы, возвратило колокола всем церквям провинции, ибо такие требования поступали отовсюду. Министр юстиции сделал Померелю выговор за то, что префект своей властью запретил какому-то священнику временно отправлять службу: «Поведение священника следовало осудить, однако было бы правильнее и уместнее не прибегать сразу же к административным мерам, а прежде снестись с его высокопреосвященством архиепископом Турским, с каковым вам и надлежит впредь советоваться в подобных случаях, дабы ваши действия оказывали умиротворяющее и благотворное воздействие на общественное мнение».

Такого рода столкновения, должно быть, немало влияли на карьеру Бернара-Франсуа Бальзака (отца Оноре) – друга и фаворита префекта.

Один довольно забавный эпизод проливает свет на образ мыслей генерала де Помереля. Дело касалось Агнессы Сорель, любовницы Карла VII, гробница которой сначала помещалась

возле алтаря церкви в Лоше; затем, после смерти короля, гробница была перенесена монахами в боковую капеллу и частично разрушена во время революции. Префект принял решение реставрировать надгробную статую «дамы из Ботэ» и торжественно водрузить ее в одной из башен замка в Лоше. Он самолично составил надпись, которую надлежало высечь на саркофаге:

МОНАХИ ЛОША, ОБОГАЩЕННЫЕ ЕЕ ДАРАМИ,
ПРОСИЛИ ЛЮДОВИКА ХІ
РАЗРЕШИТЬ ИМ ПЕРЕНЕСТИ ГРОБНИЦУ
ПОДАЛЬШЕ ОТ АЛТАРЯ.
«Я СОГЛАСЕН, – ОТВЕЧАЛ ОН, – НО ВЕРНИТЕ ДАРЫ».
ГРОБНИЦА ОСТАЛАСЬ НА МЕСТЕ.
АРХИЕПИСКОП ТУРА, ЧЕЛОВЕК МЕНЕЕ СПРАВЕДЛИВЫЙ,
ПЕРЕНЕС ГРОБНИЦУ В БОКОВУЮ КАПЕЛЛУ.
ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ ОНА БЫЛА ТАМ РАЗРУШЕНА.
ЛЮДИ ЧУВСТВИТЕЛЬНЫЕ СОБРАЛИ ОСТАНКИ АГНЕССЫ,
И ГЕНЕРАЛ ПОМЕРЕЛЬ,
ПРЕФЕКТ ДЕПАРТАМЕНТА ЭНДР И ЛУАРА,
ВОЗДВИГ МАВЗОЛЕЙ ЕДИНСТВЕННОЙ ЛЮБОВНИЦЕ
НАШИХ КОРОЛЕЙ, КОТОРАЯ ВПОЛНЕ ЗАСЛУЖИЛА
БЛАГОДАРНОСТЬ ОТЕЧЕСТВА,
ИБО В НАГРАДУ ЗА СВОЮ БЛАГОСКЛОННОСТЬ
ПОТРЕБОВАЛА ИЗГНАНИЯ АНГЛИЧАН ИЗ ФРАНЦИИ.

На тимпане фронтона генерал повелел высечь такие слова: *Я – Агнесса. Да здравствует Франция и Любовь!* Таков был стиль префекта Помереля, бравого вояки, скептика и вольнодумца; такого же стиля, только менее красноречивого, придерживался и его протеже Бернар-Франсуа Бальзак. Будучи раблезианцем, он, в отличие от Рабле, не был уроженцем Турени. Он происходил из крестьян, жителей деревушки Нугейрье, расположенной в департаменте Тарн, и его настоящая фамилия была Бальса. Корень «бальс» на лангедокском наречии означает «крутой утес». В Оверни встречаются семьи, носящие фамилии Бальзак, Бальса, Бальзан. Бернар-Франсуа, отнюдь не лишенный тщеславия, кичился тем, что он будто бы вышел из недр побежденного народа – коренных жителей Франции, галлов, которые противостояли нашествиям завоевателей; галлами были и предки весьма знатного рода Бальзаков д'Антраг. Более вероятно, что под натиском варваров крепостные принадлежавшего Бальзакам д'Антраг селения возле Бриуда переселились на берега реки Тарн. Предки Бальзака были несговорчивые крестьяне, как пишет Луи Люме, люди «упорные, с подтянутыми животами; они примитивным плугом распахивали свои поля и засевали их рожью». Валы войны часто захлестывали их: Крестовые походы против альбигойцев, набеги наемных солдат, вторжение англичан – они все испытали. И тем не менее несколько семейств из рода Бальса преуспели – они были обязаны этим своей негибимой воле.

Дед нашего Бальзака, Бернар Бальса (1716–1778), унаследовал от отца небольшой земельный надел в деревне Нугейрье.

У него были луга, виноградники; земли собирали медленно, по клочку. В семье насчитывалось одиннадцать детей, на ночь их укладывали спать вдоль стен на тюфяках, набитых соломой. Старший из сыновей, Бернар-Франсуа, помогал отцу и пас стада. По вечерам в доме говорили о тайнике, где припрятаны деньги; этот секрет знали только члены семьи да друзья – кюре Виалар и нотариус Альбар. Смышлениый и честолюбивый, Бернар-Франсуа думал: «А почему бы и мне не сделаться священником или нотариусом?» Виалар научил его читать и писать; юноша начал свою службу рассыльным и младшим клерком в конторе мэтра Аль-

бара в Канзаке, возле Монести. Там он познакомился с обычным правом, судебной процедурой и составлением нотариальных актов. «Во всей своей наготе и безжалостной жестокости, – пишет Луи Люме, – ему открылась весьма запутанная и суровая игра переплетающихся интересов». С 1765 года его подпись больше не встречается в бумагах нотариальной конторы. Куда он направился? В Роде? Альби? Тулузу? Совсем молодым он подался в Париж; все его имущество составляли только подкованные железом башмаки, крестьянская куртка, цветная безрукавка да три рубахи грубого полотна; но в придачу он был наделен безграничным честолюбием и энергией, которой хватило бы на троих.

Самоучка, интересовавшийся правом и историей, он много читал и повсюду оказывался полезным благодаря познаниям в области судопроизводства. Сам он, понятно, гордился своей карьерой. Сын небогатых крестьян, он пришел в Париж без всяких средств к существованию, с одной лишь котомкой за плечами, и сделался там клерком у прокурора, а затем, быстро поднявшись по ступенькам служебной лестницы, стал подвизаться – правда, на второстепенных ролях – в Королевском совете, где помогал готовить доклады по самым различным вопросам; столь удивительный успех свидетельствует одновременно о природном уме, обширных познаниях и негибкой воле. Путь, проделанный этим человеком, отражал путь целого сословия.

Бернар-Франсуа помогал Жозефу д'Альберу, докладчику Королевского совета, составлять записки и отчеты по всевозможным делам – от ликвидации французской Ост-Индской компании до соглашения о выдаче преступников, заключенного между Францией и немецкими князьями. Мы располагаем документом, который гласит, что «его величество поручает господину Бальзаку, секретарю Королевского совета, исправлять должность письмоводителя». Некоторое время он был личным секретарем морского министра Бертрана де Мольвиля. Таким образом, Бернару-Франсуа довелось иметь дело с вельможами, и он на всю жизнь сохранил к знати почтение, смешанное с завистью. Он мечтал присоединить к своей фамилии дворянскую частицу «де», что не помешало ему в 1791 году с высокомерием «полноправного гражданина» обращаться с госпожой д'Альбер, вдовой его прежнего патрона. Позднее, когда новый префект департамента Эндр и Луара запросил у Бернара-Франсуа послужной список, тот ответил: «Секретарь бывшего Государственного совета на протяжении шестнадцати лет, комиссар секции в Париже 21 июня 1791 года, в день побега бывшего короля, я затем занимал пост председателя секции, был депутатом городской коммуны, чиновником муниципалитета, комиссаром и, наконец, председателем суда, который в ту пору один рассматривал все судебные дела, возбуждавшиеся полицией города Парижа». Он ловко следовал крутым поворотам революции.

Однако во время бегства короля в Варенн лояльность Бернара-Франсуа была, видимо, взята под сомнение. Оппортунист по необходимости, но человек от природы великодушный, он, по слухам, спасал роялистов – своих прежних покровителей и друзей. Один из членов Конвента, интересовавшийся судьбой гражданина Бальзака, посоветовал ему уехать из столицы. И он нашел прибежище в Валансьенне, постаравшись обратить этот вынужденный шаг себе на пользу. Бернар-Франсуа писал:

«В ту пору для обеспечения сохранности имущества и для управления службами, снабжавшими армию Севера, нужен был человек весьма надежный... Выбор пал на меня. Мне поручено было ведать одновременно: во-первых, провиантом; во-вторых, фуражом; в-третьих, топливом и свечами; в-четвертых, снабжением провизией города Парижа; в-пятых, снабжением провизией армии... Я один возглавлял все эти пять служб вплоть до победы при Флерюсе... Ни один из моих подчиненных не был ни задержан, ни посажен в тюрьму – настолько велика была моя неусыпная и справедливая бдительность... Я представил пять отчетов о своей деятельности. И располагаю официальными подтверждениями на сей счет».

Черт побери! Каков мастер на все руки! И как торжественно уверяет он в своей честности. Но остается фактом, что Бернар-Франсуа Бальзак играл определенную роль в полувоенном управлении, снабжавшем армию провиантом: он служил под началом Даниэля Думерка, у которого была «рука во всех ведомствах, занимавшихся поставками».

После битвы при Флерюсе (1794) Бернар-Франсуа получил пост в Бресте, а затем в Туре; город этот, по его словам, был «важным пунктом, единственным центром, где имелись запасы, необходимые для ведения войны против шуанов и Вандеи». Итак, в 1797 году мы застаем его в Туре, он снабжает армию провиантом; не будучи человеком богатым, он живет в свое удовольствие; этот представительный мужчина щеголяет в красивом синем мундире, расшитом серебром, из-под высоко поднятых кончиков воротника выглядывает белый шейный платок. Ему исполнился пятьдесят один год, но он все еще холост, и его патрон Думерк решает женить Бернара-Франсуа на очень красивой юной девице: ее зовут Лора Саламбье, и она на тридцать два года моложе своего суженого.

Родители невесты были счастливой четой. В молодости Жозеф Саламбье лишился чувств от радости, когда Софи Шове, впоследствии его «столь верная супруга», согласилась выйти за него замуж. Саламбье, секретарь виконта де Бона, бригадного генерала королевской армии, подписавшего брачный контракт своего подчиненного, происходил из почтенной буржуазной семьи суконщиков, которой принадлежала большая фабрика позументов: «Фирма „Золотое руно“» на улице Оноре, возле улицы Бурдонне, Саламбье – золотошвей, басонщик и суконщик – изготавливает и продает все необходимое для гражданской и военной форменной одежды». Семейство Саламбье принадлежало к числу весьма уважаемых в квартале Марэ, где жили богатые коммерсанты. Один из членов этого семейства женился в Эльбефе на Марте-Регине Лежен, дочери фабриканта сукон. Другой из рода Саламбье ведал обмундированием и экипировкой войск. Многочисленные связи соединяли эту семью с семьей Маршан; одна из дочерей Маршана вышла замуж за Шарля Седийо. Среди представителей блистательного рода Седийо можно назвать ученых-ориенталистов, хирургов и даже одного астронома, помощника председателя Математического общества при Парижской обсерватории. Из квартала Марэ шли и в Академию.

Госпожа Саламбье, женщина нервическая и энергичная, разработала для воспитания дочери целую систему строгих правил:

«Настоятельно советую моей дочери Лоре, когда она садится писать, не горбиться, вытягивать пальцы и старательно держать перо, с тем чтобы выработать красивый почерк... Я не стану напоминать ей о том, что надо быть разумной; она обещала мне относиться предупредительно ко всем окружающим, а главное – к *Своей Матери...*»

Прописные буквы принадлежат Софи Саламбье. Затем следовал:

Распорядок дня моей дочери Лоры

Понедельник:	Замечания:
В 7 часов — подъем.	Чистить зубы, мыть руки, лицо,
С 7 до 8 часов — уход за собой.	прибирать в комнате.
С 8 до 9 часов — завтрак и отдых.	Я понимаю под «полезными за-
С 9 до 10 часов — чистописание.	нятиями»: шитье, вязание, плете-
С 10 до 12 часов — полезные за-	ние кружев, вышивание; наряды
нятия.	для куклы шить в часы отдыха.

И так изо дня в день все было размечено по часам: «В воскресенье после завтрака составляется расписание на следующую неделю». Если ее строгим правилам подчинялись, госпожа Саламбье становилась «обворожительна», но она повинна в том, что ее дочь Лора выросла раздражительной.

Саламбье занимали гораздо более высокую ступеньку на социальной лестнице, чем Бернар-Франсуа Бальзак. Почему же они выдали за этого пятидесятилетнего мужчину свою юную и очаровательную дочь? Быть может, потому, что карьера Бернара-Франсуа походила на карьеру Жозефа Саламбье. Оба принадлежали к «интендантскому ведомству», оба были франкмасонами. Они чувствовали себя единомышленниками и сообщниками. Лора Саламбье³ получала в приданое ферму Волайль прихода Газеран, в одном лье от Рамбуйе; в брачном контракте ее стоимость была определена в тридцать тысяч франков (чтобы уменьшить сумму налога), но на деле ферма стоила от ста двадцати до ста тридцати тысяч франков. Будущий супруг гарантировал, со своей стороны, вдовью часть в сумме тысячи восьмисот франков ежегодного дохода. Надо сказать, Бернар-Франсуа располагал более чем скромным состоянием: помимо жалованья, он владел небольшой рентой и участвовал в «тонтине Лафаржа». «Тонтина» представляла собой сообщество людей, внесших определенную сумму, причем каждый при жизни пользовался доходами с этого капитала, а самый капитал переходил в собственность тех, кто проживет дольше остальных. Самые долголетние из членов сообщества должны были получить огромные суммы.

Бернар-Франсуа не сомневался в том, что доживет до ста лет. Он чувствовал, что выкован из великолепного металла! Своими предками он считал галлов, гóтов и римлян и полагал, что унаследовал лучшие качества этих народов: здоровье, мужество и терпение. Ученик Руссо, он следовал здоровой воздержанности; любил молоко и древесные соки; обожал гулять пешком. Вставал и ложился с петухами. И кичился тем, что в жизни не обращался к врачу, не дал аптекарю заработать даже десяти су. Он шествовал с видом победителя, высоко подняв голову, и любил повторять: «Я прям, как ствол, и силен, как вол».

Франкмасон, принадлежавший к ложе города Тура, он увлекался чтением Библии и прилежно изучал историю папства, церковных расколов, ересей, а также проявлял интерес к китайской цивилизации. В политике он следовал примеру Бонапарта. Он не отрицал революцию, но порицал крайности и сведение личных счетов, которые ей сопутствовали. Его дочь Лора писала:

«Мой отец своими философскими воззрениями, оригинальностью и добротой походил одновременно на Монтеня, Рабле и дядюшку Тоби⁴. Подобно дядюшке Тоби, он был одержим навязчивой идеей. Такой навязчивой идеей у моего отца было *здоровье*. Он так любил жизнь, что мечтал жить как можно дольше. Отец высчитал, основываясь на том, сколько лет нужно человеку, чтобы достичь *полного физического расцвета*, что сам он будет жить до ста лет и *далее*... Он необычайно заботился о себе и неустанно следил за тем, чтобы сохранить, как он выражался, *равновесие жизненных сил*.

Его оригинальность вошла в Туре в поговорку, она проявлялась как в речах, так и в поступках; он ничего не говорил и не делал, как другие; Гофман мог бы превратить его в действующее лицо одного из своих фантастических творений. Отец мой часто потешался над людьми и обвинял их в том, что они будто бы сами причина своих несчастий; встречая обиженного природой человека, он возмущался его родителями, а главное – властями, которые гораздо меньше заботятся об улучшении человеческого рода, нежели об улучшении породы домашних животных. На сей весьма скользкий предмет у него существовали довольно странные теории, из которых он делал не менее странные выводы.

„Но к чему стану я делать свои мысли общим достоянием? – вопрошал он, прохаживаясь по комнате в крытом красновато-коричневым шелком стеганом жилете, кутая шею в толстый

³ Лора Бальзак, в замужестве Саламбье де Сюрвиль (1800–1871) – любимая сестра писателя, опубликовавшая после его смерти книгу «Бальзак, жизнь и творчество по его переписке» (Surville L. Balzac, sa vie et ses œuvres d'après sa correspondance. Paris, 1858).

⁴ Дядюшка Тоби – персонаж незаконченного юмористического романа Лоренса Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди».

платок, который он носил, следуя моде времен Директории. – Меня лишний раз назовут *оригиналом* (слово это выводило его из себя), но при этом не станет меньше ни одним заморышем, ни одним золотушным существом“».

Жена Бернара-Франсуа подвергала серьезному испытанию жизненную философию мужа и его терпение. Красавица с правильными, тонкими, даже несколько острыми чертами лица, кокетка, нередко чопорная и холодная, она была женщиной энергичной, но суровой. Госпожа Бальзак получила хорошее воспитание у монахинь обители Святого Гервасия в Париже. Подобно матери, она верила в оккультные науки, колдовство и ясновидение.

Семейство Бальзак жило на широкую ногу. Когда была открыта подписка с целью основать лицей в Туре, гражданин Бальзак пожертвовал 1300 франков, префект – 1000 франков, архиепископ – 600 франков. Помимо ренты и доходов, которые приносила ферма жены, Бернар-Франсуа получал жалованье в нескольких местах. Померель, который был знаком с ним «по трудам и походам», назначил Бальзака помощником мэра в Туре и попечителем богоугодных заведений.

Супруги сперва проживали на улице Итальянской Армии, снимая там дом. 20 мая 1798 года, через год и три месяца после свадьбы, Лора Бальзак родила сына, которого она пожелала кормить грудью сама, но младенец прожил всего месяц и три дня. Вот почему, когда 20 мая 1799 года в семействе Бальзак родился второй ребенок, Оноре, родители поручили его кормилице – жене жандарма в селении Сен-Сир-сюр-Луар. Еще через год ей же отдали и сестренку Оноре, Лору, появившуюся на свет 29 сентября 1800 года.

Бальзак никогда не мог простить матери, что она удалила его от себя.

«Каким физическим или духовным недостатком вызвал я холодность матери? Чему я обязан своим появлением на свет? Чувствую ли долга родителей или случаю? Не успел я родиться, как меня отправили в деревню и отдали на воспитание кормилице; семья не вспоминала о моем существовании в течение трех лет; вернувшись же в отчий дом, я был таким несчастным и заброшенным, что вызывал невольное сострадание окружающих»⁵.

В действительности же госпожа Бальзак, напуганная смертью первого ребенка, которого она сама кормила грудью, на сей раз подчинилась распространенному в те времена обычаю. Правда, надо признать, что, хотя дети ее жили неподалеку, молодая мать редко их навещала.

Кормилица Оноре и Лоре была славная женщина. К несчастью, ее муж выпивал и, захмелев, буянил. Все же Бальзак сохранил на редкость приятные воспоминания о пригорке на берегу Луары, где они жили, и о том, как он с утра до вечера сооружал там «из камешков и прибрежного ила игрушечные замки», а главное – о своей «помощнице в строительных работах», сестренке Лоре, «прелестной, как Мадонна Рафаэля». Сдержанность родителей привела к тому, что его братские чувства к ней стали особенно нежными. Лора Сюрвиль вспоминает:

«Я была всего двумя годами моложе Оноре⁶, родители относились ко мне так же, как и к нему; мы воспитывались вместе и горячо любили друг друга; с раннего детства я запомнила, как нежно он был ко мне привязан. До сих пор не забыла, с какой быстротой прибежал он всегда на помощь, боясь, что я ушибусь, скатившись с трех неровных высоких ступенек лестницы без перил, которая вела из комнаты нашей кормилицы в сад! Его трогательная опека продолжалась и в отчем доме, там он не раз позволял наказывать себя вместо меня, не выдавая моей вины.

---

⁵ Бальзак. Лилия долины. (Здесь и далее цитаты из произведений Бальзака даются по Собр. соч. в 24 томах, изд-во «Правда», 1960.)

⁶ В действительности Лора была моложе брата на год и четыре месяца (20 мая 1799 г. – 29 сентября 1800 г.). – Примеч. авт.

Когда я успевала сознаться в совершенном проступке, он требовал: „В другой раз ничего не говори, пусть лучше бранят меня, а не тебя!“»

Оноре несколько лет прожил в селении, белые домики которого выстроились в ряд вдоль высокого берега Луары, «обсаженного великолепными тополями с негромко шелестевшей листвой». Широкая река катила свои воды между песчаными отмелями и зелеными островками. Мальчик любовался очаровательными пейзажами, «где царит не величавая и могучая, а наивная красота природы». На противоположном берегу убегали вдаль «бархатистые, в белых пятнах» холмы – там уступами располагались замки. «Первые мои взгляды устремлялись к твоему чистому небу, по которому бежали легкие облака». Ландшафтам Турени предстояло на всю жизнь остаться для Бальзака идеалом прекрасного, чудесным обрамлением самой нежной любви.

В четыре года его вернули в Тур, под родительский кров. Мать не сумела вызвать у детей любовь к себе. Оноре, пишет его сестра Лора, был «прелестный ребенок; веселый нрав, хорошо очерченный, всегда улыбающийся рот, темные глаза, блестящие и кроткие, высокий лоб, густые черные волосы – все заставляло прохожих оглядываться на него во время прогулок». Этот милостивый мальчуган, наивный и ласковый, постоянно встречал «суровый и испепелявший, как пламя, взгляд». Мать Бальзака «не признавала ни ласк, ни поцелуев, всех этих простых радостей жизни, она не умела создать для своих близких счастливый семейный очаг». Пристрастие к роскоши, желание нравиться и не ударить лицом в грязь портили ее характер.

Вторая сестра Оноре, Лоранс, родилась 18 апреля 1802 года, и по случаю ее крещения Бальзаки прибавили к своей фамилии дворянскую частицу «де», которую они, впрочем, впоследствии то употребляли, то опускали. Бернар-Франсуа быстро достиг довольно высокого положения в обществе. Пользуясь покровительством генерал-префекта, он постепенно становился одним из самых именитых жителей города. Сделавшись помощником мэра, он должен был приобрести недвижимость в Туре. Продав ферму в Газеране, принадлежавшую жене, Бернар-Франсуа приобрел красивый особняк со старинной деревянной обшивкой, с конюшнями и садом; дом этот под номером 29 помещался на улице Эндр-и-Луара: «Улица эта... императоров достойна... улица о двух тротуарах... искусно вымощенная, красиво застроенная, отлично прибранная и умытая, гладкая как зеркало; царица всех улиц... единственная улица в Туре, достойная так называться»⁷. Неделию спустя он купил ферму Сен-Лазар – на дороге из Тура в Сент-Авертен. Ферма, принадлежавшая государству, была конфискованным во время революции церковным владением; это отпугивало святош, и потому покупка оказалась выгодной.

Еще более честолюбивый, чем прежде, убежденный в том, что, пользуясь негласной поддержкой, можно всего добиться, Бернар-Франсуа плел интриги, и у него вовсе не оставалось времени для воспитания детей. Его очень молодая и очень хорошенькая жена с упоением кружилась в вихре светской жизни; она пленяла и простоватых владельцев окрестных замков, и англичан, которые в ту пору не имели права покидать Тур.

Впоследствии, уже в пожилом возрасте, она говорила дочери: «Будучи женой немолодого человека, я вынуждена была соблюдать особую осмотрительность и держать на расстоянии тех, кто находил меня красивой; несколько суровое выражение моего лица приводило к тому, что меня считали скорее неприветливой, нежели любезной». Тщетная предосторожность! Завистливые местные дамы находили «ее наряды слишком изысканными» и намекали, что муж Лоры Бальзак чересчур преуспевает в делах. Своими успехами и победами она восстановила против себя всех добродетельных женщин города. «Твой отец, помня о своем преклонном возрасте, был настолько деликатен, что ничего не говорил мне». Он ничего не сказал и тогда, когда

⁷ Бальзак. Озорные рассказы.

пошли разговоры о связи его жены с господином де Маргонном, владельцем замка в Саше. В глазах Бернара-Франсуа мир в семье был важнейшим условием долголетия.

Семья Маргонн занимала промежуточное положение между буржуазией и мелким дворянством. По общему мнению, члены семьи имели полное право на дворянскую частицу «де», однако Жан де Маргонн подписывался просто «Маргонн» – так он и фигурировал в реестрах городской мэрии. Этот красивый молодой человек, родившийся в 1780 году, женился в 1803 году на своей кузине Анне де Савари, молодой девушке невысокого роста, с желтым лицом, горбатой и угрюмой; она принесла ему в приданое земельные угодья в Саше с тремя усадьбами, двумя фермами и шестью мельницами. Мессир Анри-Жозеф де Савари, мелкий дворянин, бывший кавалерийский офицер, приобрел в Вуврэ поместье Кайери с большим виноградником. Он носил парик, содержал любовницу-служанку, и «под его обманчивой простотою скрывалась чисто крестьянская осторожность». Его зять Маргонн – человек элегантный, холодный, слишком «городской» для того, чтобы похоронить себя в деревне, – до 1815 года жил больше в Туре, нежели в Саше. Желая иметь благовидный предлог для того, чтобы оставаться в городе, он стал офицером городской когорты – этого цвета национальной гвардии. По воскресеньям он дефилировал со своими гренадерами по городскому бульвару и Королевской улице. Быть может, видя, как торжественно выступает в своем парадном мундире этот видный собой, самодовольный человек, Лора Бальзак – если иметь в виду семейные предания и законы вероятности – и влюбилась в него. Всякая любовная связь целиком поглощает женщину. Даже после того, как сын и дочь вернулись из Сен-Сир-сюр-Луар домой, мать виделась с ними только по воскресеньям.

Оноре, Лора и Лоранс были доверены попечению грозной гувернантки, мадемуазель Делаэ; они жили в страхе перед пристальным взглядом темно-синих глаз матери и лживыми обвинениями гувернантки, которая утверждала, что Оноре ненавидит родительский дом, что он неглупый, но скрытный ребенок. Она насмеялась над тем, что мальчик мог подолгу не отрываясь смотреть на звезды. Совсем еще ребенком он разыгрывал небольшие комические сценки, чтобы позабавить сестер. Его сестра Лора вспоминает:

«Часами он пикировал на маленькой скрипке, и по его сияющему лицу было ясно видно, что в ушах у него звучат чудесные мелодии. Вот почему он очень удивлялся, когда я умоляла его прекратить этот кошачий концерт. „Неужели ты не слышишь, как это красиво?“ – спрашивал он меня».

Оноре обладал счастливым свойством – он жил в воображаемом мире, и в его ушах звучали божественные аккорды, которых никто, кроме него, не слышал.

Самым примечательным событием первых лет его жизни было короткое путешествие в Париж. Дедушка и бабушка Саламбье пожелали познакомиться с внуком. Госпожа Бальзак повезла сына к ним, и старики были просто без ума от хорошенького мальчугана, которого они осыпали поцелуями и подарками. Не привыкший к такому ласковому обращению Оноре, возвратившись к себе, без конца рассказывал сестрам, какой хороший дом у дедушки и бабушки, какой там красивый сад и какой у них чудесный сторожевой пес по имени Муш. Госпожа Саламбье, со своей стороны, охотно описывала всем следующую забавную сценку, о которой вспоминает Лора Сюрвиль:

«Однажды вечером, когда по ее приказу принесли волшебный фонарь для Оноре, мальчик, обнаружив, что среди зрителей нет его приятеля Муша, поднялся и крикнул властным тоном: „Обождите!“ (Он знал, что может распоряжаться в доме своего деда.) Затем выбежал из гостиной и тотчас же вернулся, таща за собой собаку, которой сказал: „Садись здесь, Муш, и смотри; это тебе ничего не будет стоить, заплатит дедушка!“»

Слова детей служат безыскусственным эхом тех речей, которые родители стремятся сохранить в тайне. Родители Бальзака слишком много говорили о деньгах и о наследстве. Увы! Через несколько месяцев после этой поездки дедушка Оноре скончался от апоплексического удара. То было большое горе для мальчика. Немного позднее госпожа Саламбье переехала жить к своей дочери. У нее была рента, приносившая пять тысяч франков в год, но она совершила непростительную ошибку, доверив капитал зятю, который поместил его в рискованное предприятие, представлявшееся ему «блистательным»; в результате почтенная дама потеряла сорок тысяч франков. Госпожа Саламбье охотно баловала бы своих внуков, но этому мешала суровость ее дочери. Оноре буквально трепетал, когда мать говорила, что сама займется его образованием. Зато он любил слушать пышные тирады и забавные остроты отца, хотя и не понимал их. Госпожа Бальзак отдала дочерей в пансион Воке, а сына – в пансион Легэ, где он был «приходящим учеником по классу чтения», за него платили шесть франков в месяц. Катехизису мальчика обучал аббат Лаберж. Госпожа Бальзак, платившая «за стулья» в кафедральном соборе Святого Гасьена, водила сына слушать церковную службу. Чем менее добродетельным становилось ее собственное поведение, тем больше благочестия она выказывала.

Когда Оноре исполнилось восемь лет, мать решила определить его пансионером в Вандомский коллеж. Надо сказать, что в это время она ожидала рождения ребенка, отцом которого злые языки называли Жана де Маргонна. Оноре было горько расставаться со своей милой сестренкой, подругой «в невзгодах и печали». Он, видимо, преувеличивал из обостренной чувствительности огорчения, выпадавшие на их долю в детстве. Позднее он заявит: «У меня никогда не было матери». Это уж слишком, горькие слова написаны Бальзаком в минуту гнева. Однако дети тяжело переживают обиды, и какое имеет значение, страдаем мы от действительного или мнимого горя, если нам оно представляется настоящим? Некоторые дети, рожденные в законном браке, чувствуют себя отверженными, не признанными своими родителями, хотя и не понимают, чем вызвана такая немилость. Они больше других жаждут успеха и славы, стремясь таким путем вознаградить себя за тоску, которая гложет им душу.

II. Рано созревший философ

Как ребенок, называя свое имя, говорит о себе в третьем лице, так и романист наделяет собственными чертами множество своих персонажей.

Ролан Барт

Вандомский коллеж, куда Бальзак поступил в 1807 году восьмилетним мальчиком, был одним из самых своеобразных учебных заведений Франции. Основали его монахи-ораторианцы, которые по примеру иезуитов посвящали себя воспитанию юношества, но слыли либералами, что должно было нравиться Бернару-Франсуа. И в самом деле, два человека, руководившие коллежем в годы, когда там учился Бальзак, – Марешаль и Дессень – принесли во время революции присягу на верность нации; оба они были женаты. Однако эти вступившие в брак священники сохранили католическую веру и поддерживали в коллеже почти монастырскую дисциплину. Воспитанники покидали коллеж только после окончания полного курса. «Наши ученики никогда не уезжают на вакации, – сообщали директора коллежа ректору Орлеанской академии. – Они не совершают также прогулок по городу. Мы настоятельно просим родителей не забирать детей домой». Внутренний цензор коллежа распечатывал все письма, которые получали или отправляли воспитанники. Семьи подчинялись этим строгим порядкам.

Ораторианцы Вандомского коллежа воспитывали учеников в духе почтения к императору – в противном случае их заведение закрыли бы; однако они противились проникновению воинского духа, господствовавшего во всех лицах страны в годы Империи.

Удары колокола, а не барабанная дробь возвещали о начале и конце уроков, а также о других занятиях, входивших в распорядок дня. Лицейские правила обычно предписывали громкое чтение какой-либо книги во время трапез. Таким путем стремились предупредить брожение умов. Но наставники-ораторианцы разрешали ученикам разговаривать в столовой. Если им ставили в укор такое послабление, они возражали: «Помилуйте! Ради воспитания добрых нравов, ради поддержания дисциплины, ради сохранения благотворного влияния на учеников в течение всего года мы отказываемся от вакаций, лишая себя отдыха, который они нам сулят, и от экономии средств, которую они дают. А теперь нас упрекают за то, что мы доставляем воспитанникам скромное удовольствие!»

Что ж это были за скромные удовольствия?

«Редкие загородные прогулки, которые совершают сорок четыре воспитанника под наблюдением трех педагогов и главного воспитателя. Успевающие ученики отправляются из коллежа в четыре часа утра; мальчики проходят четыре лье пешком, осматривают кузницы, стекольный завод или астрономическую обсерваторию; они скромно завтракают на травке и возвращаются к себе сильно утомленные».

Надо признать, что подобные развлечения воспитывали стойкость и простоту нравов. Жизнь в коллеже была суровая. В библиотеке города Вандома сохранился рисунок, изображающий урок математики. Несмотря на то что в классе горит печурка, учитель в головном уборе, воротник его сюртука поднят.

Применялись тут и телесные наказания: провинившихся били по пальцам линейкой, обтянутой кожей (*ultima ratio Patrum*⁸), и это было весьма болезненно; им давали дополнительные задания; непослушных надолго запирали в некое подобие карцера (эту каморку, помещав-

---

⁸ Высший довод Святых Отцов (*лат.*).

шуюся под лестницей, воспитанники именовали «альковым») или в «деревянные клетки» – чуланы размером шесть квадратных футов, устроенные для строптивых при каждом дортуаре.

Когда Оноре Бальзак поступил в младший класс Вандомского коллежа, он был толстощекий, румяный мальчуган, но молчаливый и грустный. О пребывании в родительском доме у него сохранились самые печальные воспоминания. Впоследствии он не раз будет описывать преступных матерей, которые любят незаконного ребенка и преследуют родного сына. В коллеж он принес с собой тягостную настороженность, держался как затравленный зверек. Он чувствовал свою неуклюжесть и робел.

«Если кто хочет вообразить себе уединенность большого коллежа с его монастырскими зданиями в центре маленького города и четыре парка⁹, в которых мы размещались по иерархии, тот ясно представит себе, какой интерес возбуждало в нас появление *новичка*, нового пассажира, попавшего на корабль»¹⁰.

Юному Бальзаку трудно было добиться уважения у орды школьников. По милости своей предусмотрительной мамы он почти не имел карманных денег и потому не мог участвовать в общих развлечениях и покупках. Родители других воспитанников приезжали в Вандом в дни раздачи наград за успехи; его родители никогда при этом не присутствовали. За шесть лет – с 1807-го по 1813-й – мать, по словам Бальзака, только дважды посетила его, видимо не желая отступать от духа, царившего в коллеже. Первое из сохранившихся писем будущего писателя адресовано госпоже Бальзак.

«Вандом, 1 мая (1807)

Любезная матушка,

я думаю, папа был огорчен, когда узнал, что меня посадили в „альков“. Прошу тебя, успокой его, скажи, что я получил похвальный лист при раздаче наград. Я не забываю протирать зубы носовым платком. Я завел себе толстую тетрадь и переписываю туда начисто все из своих тетрадок, и у меня хорошие отметки, надеюсь, это доставит тебе удовольствие. Обнимаю от всей души тебя и всех родных, а также всех, кого я знаю. Я узнал имена учеников из Тура, которые получили награды:

Буалеконт.

Других не запомнил.

БАЛЬЗАК ОНОРЕ,

твой послушный и любящий сын»¹¹.

Похвальный лист при раздаче наград по устной латыни, который должен был «успокоить» папу, оказался просто скромным томиком в рыжевatom сафьяновом переплете, то была «История короля Швеции Карла XII»; по книге золочеными буквами шла надпись: «Награда Оноре Бальзаку, 1808 год».

Встречал ли он со стороны педагогов то ласковое отношение, в котором ему отказывали родители? Один из преподавателей, отец Лефевр¹², занял большое место в жизни мальчика. Этот преподаватель, как гласит отзыв о нем, приведенный в книге Филиппа Берто «Бальзак

---

⁹ Для воспитанников самых младших, младших, средних и старших классов. – *Примеч. авт.*

¹⁰ Бальзак. Луи Ламбер.

¹¹ Переписка Бальзака цитируется по изданию: *Balzac. Correspondance, Textes réunis, classés et annotés par Roger Pierrot.* Paris, Editions Garnier freres, 1960.

¹² Иасент-Лоран Лефевр, присягнувший на верность нации священник, наставник пятого класса в Вандомском коллеже. – *Примеч. авт.*

и религия», в годы его послушничества выказывал «недюжинные способности, ум, обладал хорошей памятью, живым воображением, но его суждения не всегда отличались основательностью; он глубоко верил в чудеса и не отступал от догматов». У него было много общего со странным учеником, который также жаждал чудес. Считая себя изгоем на земле, юный Бальзак ждал чудес от Неба. В обязанности отца Лефевра входило приведение в порядок громадной библиотеки коллежа, которая частично была составлена во времена революции, когда громили окрестные замки. Отец Лефевр давал дополнительные уроки по математике Оноре Бальзаку, ибо Бернар-Франсуа мечтал, что в один прекрасный день его сын поступит в Политехническое училище; однако добрый священник был скорее поэт, нежели математик, и охотно разрешал своему ученику читать в часы, отведенные для повторения уроков.

«Таким образом, между нами был молчаливо заключен договор: я не жаловался на то, что ничему не учусь, а он молчал по поводу того, что я брал книги»¹³.

Мальчик уносил из библиотеки множество книг, а отец Лефевр никогда не проверял, какие именно произведения выбирает юный Бальзак, который на переменах усаживался под деревом и читал, между тем как его товарищи резвились. Часто он намеренно старался попасть в карцер, чтобы там без помехи читать. Постепенно в нем развилась настоящая страсть к чтению; он мало-помалу накапливал обширные, но беспорядочные познания, которые в силу самой этой беспорядочности сообщали его мышлению рано проявившееся своеобразие. «Еще в детстве я решил стать великим человеком и, ударяя себя по лбу, говорил, как Андре Шенье: „Здесь кое-что есть!“ Я как будто чувствовал, что во мне зреет мысль, которую стоит выразить, система, достойная быть обоснованной, знания, достойные быть изложенными»¹⁴. Впрочем, только сам он верил, что его ждет великое будущее. В глазах наставников и товарищей юный Бальзак оставался весьма заурядным учеником, примечательным разве только тем, что он буквально глотал всякую печатную страницу и отличался самомнением, которое ничем, казалось, нельзя было оправдать.

По примеру Андре Шенье он также пытался писать стихи.

«Увлеченный этой несвоевременной страстью, я пренебрегал уроками, сочиняя поэмы, которые, конечно же, не много обещали, если судить по одной знаменитой среди моих товарищей слишком длинной стихотворной строчке, которой начиналась эпопея об инках:

О инка! Властелин несчастный, злополучный!

В насмешку над моими опытами я был прозван Поэтом, но такие насмешки не могли меня исправить. Я продолжал рифмовать строчки, несмотря на мудрый совет господина Марешаля, нашего директора, который пытался излечить меня от моей пагубной застарелой болезни, рассказав о несчастьях малиновки, которая выпала из гнезда, попытавшись летать раньше, чем у нее выросли крылья. Я продолжал читать и стал самым бездеятельным, самым ленивым, самым задумчивым учеником младшего отделения, и, следовательно, меня наказывали чаще других»¹⁵.

Приведенная выше характеристика относится к одному из героев Бальзака, но свидетельства соучеников писателя говорят о том, что персонаж и его создатель походили друг на друга.

---

¹³ Бальзак. Луи Ламбер.

¹⁴ Бальзак. Шагреневая кожа.

¹⁵ Бальзак. Луи Ламбер.

Тринадцатисложный стих об инке был написан воспитанником Вандомского коллежа Оноре Бальзаком. Однако на самом деле в ту пору призвание толкало его не к поэзии и не к науке, а к поискам наивной, оккультной философии. Когда руки мальчика болели от ударов линейкой, а сердце ныло от безответной нежности, «он находил приют в небесах, которые открывались ему силой воображения». Быть может, Бальзак созрел не так рано, как Луи Ламбер, но, подобно своему герою, он еще подростком читал произведения писателей-мистиков, и они, по словам Филиппа Берто, «приучили его к бурным движениям души, причиной и следствием которых служит состояние экстаза».

«Он был бы огорчен, если бы его посчитали слишком благочестивым»; во время вечерней молитвы он «рассказывал сам или выслушивал рассказы товарищей о дневных проказах», а за воскресной мессой подсчитывал в уме свои карманные деньги и с горечью сознавал, как недоступны ему «вожделенные предметы, во множестве выставленные в лавочке при коллеже». Неверие среди воспитанников Вандомского коллежа было не просто распространенным явлением, а неким молодечеством. Сын вольтерьянца Бернара-Франсуа никогда не отличался природной покорностью, присущей тем детям, которые без усилий и рассуждений приобщаются к вере. Он слыл вольнодумцем и вступал в споры со священником коллежа.

«Когда я подрос и спросил перед своим первым причастием у доброго старичка, обучавшего нас катехизису, откуда Господь Бог взял мир, он не ответил мне, как отвечают на вопрос, откуда взялись дети, – „под капустой“, но привел прекрасные слова из Евангелия от Иоанна: „В начале было слово, и слово было у Бога“. Никто в мои годы не мог бы понять смысл этой фразы, на которой покоятся все философские доктрины и которая как бы резюмирует их. Подобно всем неверующим, я жаждал *позитивного*, мне нужны были не идеи, а факты. И я спросил его, откуда взялось это „слово“. „От Бога“, – ответил он мне. „Но если все сущее от Бога, – возразил я, – то почему в этом мире существует зло?“ Добрый священник не был силен в полемике; он понимал религию как чувство и принимал все догматы на веру, будучи не в силах их объяснить. Однако он не был святым; и, не найдя никаких новых доводов, он вышел из себя и засадил меня на два дня в карцер за то, что я прервал его, когда он объяснял нам катехизис».

Но если ортодоксальность юного Бальзака была весьма спорной, если любые догматические оковы тяготили его, он тем не менее в пору своего первого причастия отличался «жаждой божественного». Худой, с красивыми черными блестящими глазами, «он стал на колени и в радостном, восторженном порыве возблагодарил Бога. Он чувствовал себя счастливым, на душе у него было легко, хорошо...» Вечером «ему казалось, что он уподобился ангелам, потому что за целый день не согрешил ни словом, ни делом, ни помышлением»¹⁶. Несмотря на домашнее воспитание, которое благодаря взглядам отца и холодности матери было не слишком религиозным, Бальзак со времен Вандомского коллежа считал себя «предназначенным для тесного общения с ангелами». Им предстояло вскоре занять огромное место в его помыслах.

Директора коллежа отнюдь не были склонны поддерживать в подростковом возрасте такого рода мистицизм, смешанный с гордыней. Жан-Филибер Дессень рассуждал скорее как ученый, чем как церковник. Его правнук Рибемон-Дессень писал о нем:

«Человек энциклопедически образованный, он без труда переходил от преподавания риторики и философии к преподаванию естественных наук, физики или химии. Он даже приступил к изучению физиологии, написав небольшой популярный трактат, предназначенный для воспитанников класса философии».

---

¹⁶ Бальзак. Красная гостиница.

Наблюдатель и исследователь, автор примечательных работ по фосфоресценции, он был склонен искать физиологические объяснения состоянию экстаза; он готовил большой труд, где хотел показать, что чувства и страсти связаны с изменениями, происходящими в организме человека.

Дессень учил, что наблюдения над фактами и их анализ – занятие гораздо более плодотворное, нежели разработка любой системы взглядов. Однако воспитанник Бальзак, в противоположность своему учителю, обладал умом, более склонным к построению различных систем, чем к методическому исследованию явлений, и втайне выработал довольно расплывчатую философскую доктрину. Случалось, что этот слишком юный философ, отбывая наказание в «деревянной клетке» или в камере под лестницей, старался постичь *единство мира*, исходя из представления, что мысль и воля – это реальные субстанции, флюиды, аналогичные электричеству. Дессень выдвинул новое и смелое по тем временам положение о том, что все невесомые флюиды – теплота, свет, электричество, магнетизм – всего лишь различные проявления всепроникающей среды, мирового эфира, приводимого в движение различными силами. Беседовал ли он на эту тему с любознательным мальчиком? Развивал ли при нем свои соображения о физиологии мышления? Это возможно (ведь Бальзак, выздоравливая после болезни, некоторое время жил в Лезоньере, в загородном доме директоров коллежа, вместе с которыми он собирал растения для гербария), но маловероятно. Дессень, кабинетный ученый, почти не общался со своими учениками. «Он жил вдали от нас, – пишет Эдуар де Вассон, – и эта удаленность увеличивала его престиж и авторитет».

Вправду ли ученик коллежа Оноре Бальзак написал «Трактат о воле»? Действительно ли отец Огу разорвал рукопись трактата? Вернее всего, Бальзак придумал этот эпизод. Но одно, видимо, бесспорно: в коллеже он много размышлял над природой воли и ее проявлениями. Отбывая в карцере наказание вместе со своим весьма развитым товарищем Огюст-Илером Баршу де Пеноэном, он беседовал с ним на философские темы. Баршу де Пеноэн склонялся к скептицизму; Бальзак верил в почти безграничное могущество воли и в то, что мысль оказывает физическое воздействие. Возможно, вспоминая отрочество, писатель преувеличил степень достигнутой им в ту пору духовной зрелости; но несомненно, что уже тогда в сонном с виду подростке таился удивительный ум и ненасытное честолюбие. «Я буду знаменит», – утверждал этот посредственный ученик. Товарищи смеялись над его самонадеянностью, и он вторил им, потому что был незлобив.

С детства чтение превратилось для него в «некую жажду, которую ничто не могло утолить: он глотал подряд все книги, причем его в равной степени занимали произведения, толкующие о религии и об истории, о философии и о физике... Одним взглядом он охватывал сразу семь или восемь строк, а его ум постигал их смысл, не уступая в скорости глазу; часто ему достаточно было одного слова, чтобы уловить суть фразы. Он с одинаковой точностью удерживал в памяти и мысли, почерпнутые из книг, и те, что возникали у него в часы раздумий или во время беседы».

«К двенадцати годам его воображение, возбужденное постоянным упражнением всех его способностей, необыкновенно развилось, и это позволяло ему получать такие точные представления о вещах, которые он познавал только через книги, что образ, запечатлевавшийся в его душе, не мог быть более живым и при непосредственном наблюдении. Он достигал этого, быть может, потому, что пользовался аналогиями, или потому, что был одарен вторым зрением, с помощью которого он охватывал всю природу»¹⁷.

Очень рано слово «ясновидец» входит в лексикон Бальзака. Ясновидец мысленно созерцает одновременно прошлое, настоящее и будущее. А почему, собственно, это невозможно?

¹⁷ Бальзак. Луи Ламбер.

Лежа в постели, я в мечтах путешествую во времени и в пространстве. Стало быть, пространство и время целиком умещаются в моем мозгу. С другой стороны, коль скоро разум способен путешествовать таким образом, коль скоро мысль действует на расстоянии, значит можно читать в мыслях другого, значит возможно как бы второе зрение, которое позволяет созерцать в воображении предметы, находящиеся вдалеке. Волю можно собирать в некий сгусток и устремлять ее вовне, что позволяет воздействовать на других; воздействие этой магнетической силы ощущается на расстоянии, и он, Оноре Бальзак, воспитанник Вандомского коллежа, владеет ею.

Помощник директора коллежа Дессеня, Лазар-Франсуа Марешаль, не обладал таким множеством оригинальных идей, как его старший коллега, но зато отличался добротой, которую ученики очень ценили. Марешаль писал эротические и игривые стихи, но следил, чтобы они ненароком не попали на глаза воспитанникам коллежа. Однако мальчики пользовались составленной им латинской грамматикой, где было немало любопытных примеров: «Господи, помоги этой женщине разрешиться от бремени и впредь не грешить» («*Di, facultatem concedite huic pariendo atque non peccandi*»); «Девушка скрывалась за кустарником» («*Puella post carectes latebat*»); «Босоногая Венера» («*Venus, nuda pedes*»). Шатобриан был обязан латинским поэтам первыми своими желаниями; повторяя причудливые примеры из школьной грамматики, Бальзак, наделенный живым воображением, конечно же, мысленно рисовал себе пластические образы языческих богинь. «Разве нельзя допустить, что со страниц скромных латинских книг, которые держал в своих руках воспитанник Оноре Бальзак, вставали первые силуэты его грез?» – спрашивает Филипп Берто.

Так он дошел до предпоследнего класса. Неумеренное чтение, видения, которые оно рождало в его мозгу, дни одиночества в карцере – все это привело к тому, что он впал в какое-то странное состояние полной отрешенности, болезненного оцепенения, и это тем более беспокоило наставников, что они не понимали причин такого состояния. А отрешенность эта была вызвана тем, что мысли его были далеко, что он пребывал в иных мирах, навеянных прочитанным. По мнению ораторианцев из Вандомского коллежа, Оноре Бальзак был нерадивым учеником – занимался он мало, и то, что с ним происходило, не было умственным утомлением. Мальчик исхудал, зачих и походил на лунатика, спящего с открытыми глазами; большей части обращенных к нему вопросов он попросту не слышал, и, когда его неожиданно спрашивали: «О чем вы думаете? Где витают ваши мысли?», он растерянно молчал.

Это удивительное состояние, которое Оноре осознал гораздо позднее, объяснялось тем, что он не в силах был переварить все мысли и впечатления, теснившиеся у него в голове. В годы созревания, когда избыток физических сил ищет выхода, он жил только духовной жизнью и со стороны казался отупевшим. Добрый Марешаль перепугался, вызвал госпожу Бальзак, и 22 апреля 1813 года, в самый разгар занятий, юный воспитанник коллежа был увезен домой в Тур. Состояние его испугало отца и обеих сестер.

«Вот в каком виде возвращаются к нам из коллежа красивые и здоровые дети, которых мы туда посылаем!» – горестно воскликнула бабушка Оноре Софи Саламбье.

Заметив, что перемена обстановки, свежий воздух и общение с родными возвращают мальчику живость, свойственную его сверстникам, Бернар-Франсуа вскоре успокоился.

III. Из Тура – в Марэ

Тот, кто желает хорошо воспитать ребенка, обречен всегда придерживаться справедливых взглядов.

Бальзак

Какое это удивительное и сильное впечатление – вновь вернуться в родную семью после шестилетнего отсутствия! И на людей, и на вещи смотришь новыми глазами. У Бернара-Франсуа Бальзака были серьезные неприятности. Его друг-префект, генерал Померель, из-за распрей с архиепископом монсеньором де Буажеленом и сменившим Буажелена монсеньором де Барралем был смещен со своего поста. Император не желал допускать несогласие между *своими* префектами и *своими* епископами. Порядка ради государственные чиновники должны были присутствовать на богослужениях. Тем не менее Наполеон все еще испытывал благодарность к Померелю, который принимал у него экзамены в Бриенне, и назначил его префектом департамента Нор, а позднее – генеральным директором Библиотеки. Иногда немилость оборачивается продвижением по службе. Бернар-Франсуа и его коллеги, попечители богоугодных заведений, лишились покровителя и вскоре подверглись преследованиям со стороны нового префекта, барона Ламбера, вступившего в сговор с архиепископом монсеньором де Барралем. Их обвиняли в злоупотреблениях, допущенных при надзоре за больницами; вытаскивая на свет старую историю с ассигнациями, утверждали, что Бернар-Франсуа Бальзак якобы обманул государство. Хотя ничего не было доказано, обстановка накалилась и город распался на два лагеря: в одном были католики, в другом – франкмасоны, которые держались осторожно из боязни навлечь на себя гнев императора.

Префект Ламбер засыпал министерство доносами, направленными против попечителей богоугодных заведений. Те ответили «Нравственным отчетом».

«Генеральный совет и я, – писал префект, – обрисованы в этом своего рода манифесте в самом неблагоприятном свете: нам приписывают, будто мы стремимся уничтожить наиболее полезные для жителей департамента учреждения и, во всяком случае, отказываем без уважительных причин в отпуске необходимых средств». И префект настаивал на том, чтобы министр безотлагательно и полностью обновил состав попечительского совета больниц. Министр, однако, возражал: «Милостивый государь, я отнюдь не разделяю вашего мнения о том, что необходимо полностью обновить состав совета... Считаю своим долгом заметить: для того чтобы здраво судить о поведении лиц, ведающих богоугодными заведениями, надо поставить себя на их место и принять во внимание все обстоятельства, влиявшие на них». Словом, его превосходительство защищал господина Бальзака от врагов в Туре, которые не могли простить Бернару-Франсуа надменность, неверие и показную роскошь, а также элегантные наряды его жены.

Однако Бернар-Франсуа, подобно Панургу, ни при каких обстоятельствах не утрачивал хорошего расположения духа. Втайне он принимал кое-какие меры, чтобы покинуть Тур, а в ожидании много и жадно читал, с утра до вечера разглагольствовал и поставлял книгоиздателю Маму рассчитанные на эффект брошюры.

В 1807 году в своей «Памятной записке о том, как предупредить кражи и убийства» он взял под защиту людей, возвращающихся с каторги и выпущенных из тюрем. Беднякам при освобождении выдавали своего рода «волчий билет», свидетельство их позора. Кто при этих обстоятельствах согласится дать им работу? И вот таким образом их толкают на новые кражи – ведь есть-то надо! Чтобы предупредить повторные преступления, следует учредить особые мастерские для бывших каторжников. Там их будут досыта кормить, хорошо одевать, они будут получать жалованье. Их труд станет приносить доход, и разбой в стране уменьшится.

В 1808 году появляется его же «Памятная записка о постыдном распутстве, причиной коего служат юные девицы, обманутые и брошенные в жестокой нужде». Обесчещенные девственницы могли некогда рассчитывать на пособие со стороны обольстителя. Кодекс Наполеона запретил разыскивать отца незаконнорожденного ребенка. Однако этот новый закон мало сказался на «инстинкте продолжения рода, который по-прежнему таит в себе непреодолимое очарование», писал Бернар-Франсуа свойственным ему живописным и претенциозным слогом. Таким образом, забеременев, юная девица нигде не может найти себе места. Вот источник бед! Вот причина разврата! Надо спасти по меньшей мере двадцать тысяч несчастных созданий. Необходимо во всех больницах открыть бесплатные отделения для будущих незамужних матерей. Автор настоящей записки сам с успехом проделал это в больнице города Тура.

В мае 1809 года увидел свет его новый опус – «О величии наций и о том, как могут они сохранить для будущих веков нерушимые свидетельства своего могущества». Цель этого сочинения была менее альтруистической. В жизни Бернара-Франсуа наступил опасный период, и он стремился заручиться благоволением императора. Каким образом можно сохранить для грядущих веков нетленные воспоминания о замечательном правлении, начавшемся в 1799 году? Письменные свидетельства можно оспаривать; одни только монументы неподвластны времени. Великая Китайская стена, египетские пирамиды до сих пор красноречиво свидетельствуют о прошлом. Затем следовали многочисленные примеры, доказывавшие, что автор прочел множество самых удивительных книг... Какой же монумент будет достоин государя, который вновь воздвиг алтари, укрепил финансы, выработал ясный и понятный для всех кодекс законов, обновил армию? Надо воздвигнуть в его честь либо колоссальную статую, либо пирамиду, которая была бы выше египетских пирамид, и памятник этот надлежит построить между Тюильри и Лувром, или у заставы Нейи, или на Марсовом поле.

В 1813 году юный Бальзак, мало-помалу выходявший из оцепенения, с удовольствием прислушивался к торжественным речам отца. Они прививали ему вкус к обширным планам, псевдонаучным теориям и раблезианским тирадам. Книжные шкафы занимали важное место в доме. У отца были сочинения великих писателей, римских и французских, труды философов, историков, книги уроженцев Турени, иллюстрированные издания, посвященные Китаю; мать собирала еретические произведения иллюминатов и прочих мистиков. Сын, как пишет Вилан, сокращал «долгие часы занятий в классной комнате и старался незаметно проскользнуть в кабинет отца, где можно было погрузиться в чтение Вольтера, Руссо или Шатобриана».

Молчаливый и насмешливый от природы, мальчик внимательно наблюдал за домашними. Бабуля – так внуки называли бабушку Саламбье – была полна жизни, но постоянно жаловалась на недомогание, чаще всего без всякой причины. Она охотно советовалась с «ясновидящими». Бабуля терпеть не могла зятя – из-за его сомнительных спекуляций она потеряла часть состояния. (В 1813 году Бернару-Франсуа и самому пришлось продать свой красивый особняк.) Хотя у госпожи Саламбье были сложившиеся взгляды на воспитание девиц, она не слишком-то преуспела в воспитании собственной дочери. Госпожа Бальзак все еще шокировала турских ханжей. Она чересчур уж снисходительным тоном говорила о своем «стареньком муже». Суровая и надменная, Лора Бальзак была способна на безграничную преданность своим близким, но не проявляла к ним никакой нежности. От родителей она унаследовала склонность к строгим правилам, в частности придерживалась определенного взгляда на то, как именно следует чистить зубы. «Мой папенька был человек особого склада: он все решал и приводил в исполнение гораздо скорее других». Она читала Месмера¹⁸ и проверяла на близких магнетическую силу своего взгляда – еще один способ повелевать ими. Маленькая Лора, которой удалось приручить мать, называла ее «ми-мамочка», по-детски соединяя слова «милая

¹⁸ Месмер Франц Антон (1734–1815) – немецкий врач и целитель, создатель учения о «животном магнетизме» – месмеризма.

мамочка». Оноре, зная, что мать предпочитает ему брата Анри, рожденного от любимого человека, трепетал перед нею: ему был хорошо знаком пристальный и тяжелый взгляд, который она устремляла на детей, когда они выводили ее из себя.

Лора и Оноре обожали друг друга. В свое время он позволял наказывать себя вместо сестры. Теперь она постепенно становилась любимицей матери. Госпожа Бальзак даже сделала ее своей наперсницей. Девочку нельзя было назвать красивой, но она пленяла блеском глаз, милым выражением лица, трепетом жизни во всем существе. «Ты у нас хитрая, – говорил Оноре сестренке, – с тобой всегда весело». Лоранс, которую брат и сестра называли Лорансб, а также Толстушкой Лорансб или миледи Плумпудинг, на первый взгляд казалась не такой живой, как Лора, «но, узнав Лоранс получше, вы убеждались, что она очень умна, естественна и непосредственна». Вообще дом просто бурлил от забавных историй, бесконечных проектов, иногда – сетований, а то и сплетен. Здесь ценили шутку, острое словцо, были склонны к чудачествам: все гордились тем, что принадлежат к семейству Бальзак. Дети были дружны между собой, но взаимная привязанность не мешала посмеиваться друг над другом. С родителями их сближала любовь к чтению и общий семейный лексикон: вместо «болтать» в доме говорили «балаболить» или «тараторить»; вместо «плохое настроение» – «мерехлюндия»; вместо «хвастун» – «бахвал». Всему клану Бальзаков был свойствен дух критицизма; тут никого не щадили, но каждый стоял за другого горой.

Будь Бернар-Франсуа хозяином в собственном доме, он бы еще в 1813 году поместил вернувшегося из Вандома Оноре в коллеж города Тура. Но госпожа Бальзак хотела «нравственных гарантий». Как бы стремясь смягчить в глазах общества неверие своего супруга, она ревностно посещала кафедральный собор, и старший сын всегда ее сопровождал. Он рассматривал старые дома вокруг храма Святого Гасьена, великолепные контрфорсы, занимавшие часть тротуара, а порою становился свидетелем ссор между священниками и старыми девами, у которых квартировали служители церкви. В соборе Святого Гасьена мальчик «дышал атмосферой неба». Часто он в одиночестве бродил по церковному двору и по улочке Псалетт, «окутанной влажной мглой и глубоким молчанием». В родительском доме Оноре поместили на четвертом этаже, он донасивал все ту же «скромную одежду, в которой приехал из пансиона». Лора Сюрвиль пишет:

«Наша матушка считала труд основой всякого воспитания и, как никто, дорожила временем; вот почему она следила, чтобы у ее сына ни одна минута не пропадала даром».

Возможно, по ее настоянию мальчика отправили в Париж, где он несколько месяцев был пансионером учебного заведения Безлена и Ганзера; и возможно, именно она вернула его в Тур в марте 1814 года, опасаясь, что войска союзников войдут в столицу. Во всяком случае, с марта по июль Оноре жил у родителей, он брал частные уроки и сделал заметные успехи в латыни.

В апреле 1814 года побежденный Наполеон был вынужден отречься от престола и отправился в изгнание на остров Эльба. То был настоящий удар для детей Бернара-Франсуа Бальзака, воспитанных в лучах императорской славы. Их детский мир сразу померк. Вскоре герцог Ангулемский торжественно вступил в Тур, встреченный «бурей восторга». Никогда еще, пожалуй, люди до такой степени не уподоблялись флюгерам. Штаб Двадцать второй дивизии (куда был приписан Бернар-Франсуа) дал банкет и бал в честь его королевского высочества. Бывшие аристократы, отсиживавшиеся в своих замках, снова вылезли на свет божий. Жан де Маргонн, лейтенант национальной гвардии, деятельно участвовал в поддержании порядка. Пятнадцатилетний Оноре, выполняя волю матери, представлял отца, отлучившегося из Тура; мальчик с удовольствием затесался в толпу женщин: его ослепляли и огни люстр, и малиновые драпировки, и сверкающие бриллианты, а главное – белоснежные плечи. Он на всю жизнь запомнил это зрелище и пьянящий аромат, исходивший от женщин.

В июле 1814 года Оноре был зачислен экстерном в Турский коллеж, чтобы заново пройти курс предпоследнего класса. Здесь он получил награду – изображение лилии; она была присуждена Оноре де Бальзаку. Награда эта свидетельствовала не столько о его отличных успехах, сколько о том, что реставрированная, но все еще не уверенная в собственной прочности монархия стремилась привлечь на свою сторону молодежь. В Турском коллеже, как и в Вандомском, мальчик страдал от нелепого скопидомства матери, которая была расточительна в крупных тратах, но расчетлива в мелочах. Его товарищи лакомились чудесной свининой, которую приносили из дому, а юный Оноре грыз сухой хлеб. «Тебе что, есть нечего?» – насмешливо спрашивали товарищи. Даже много времени спустя один из них продолжал называть его «бедняга Бальзак». Глубоко задетый и униженный, мальчик давал себе клятву в один прекрасный день ослепить их своею славой. Но на каком поприще? Этого он еще не знал, однако ощущал в себе нечеловеческую силу. Ранняя зрелость его суждений поражала даже мать. «Ты, должно быть, сам не понимаешь того, что говоришь, Оноре!» – ворчала она. А он в ответ лишь улыбался насмешливо и добродушно. И этот молчаливый протест выводил из себя госпожу Бальзак. Ее раздражало постоянное присутствие пронизательного подростка, который слишком многое видел. Сестры только смеялись, когда он заявлял, что «в один прекрасный день бахвал Оноре удивит мир». А пока что он внимательно изучал этот мир.

В его удивительную память накрепко врезались события и образы. Мягкие пейзажи Турени, красота зеленеющих долин, окаймленных тополями, селения, разбросанные по холмам, величавая Луара, по глади которой скользили паруса, готические колокольни собора Святого Гасьена, старинные витражи, лица священников, разговоры друзей дома – все запечатлевалось в его мозгу. Он не только отлично помнил предметы и людей, но мог по собственному желанию вызывать их перед своим мысленным взором такими, какими видел, – живыми и красочными. «Он собирал строительные материалы, еще не зная, для какого здания они послужат».

Отец не оставил мысли подготовить его к поступлению в Политехническое училище, и репетиторы занимались с мальчиком математикой и естественными науками, так что в мозгу у него возникла причудливая мешанина из обрывков точных знаний, отцовских парадоксов, суеверий бабули и рассуждений всевозможных «ясновидцев», с которыми носилась его мать. В конце вакаций Жан де Маргонн пригласил Оноре в свое имение, в Саше¹⁹. Топolia уже теряли листву, и леса одевались в торжественный багряный убор. В доме Маргонна подросток с волнением встретил нескольких молодых женщин, которыми любовался на балу в Туре. Он жаждал всего сразу – и любви, и славы.

Между тем Бернар-Франсуа стремился как можно скорее покинуть Тур. Вскоре после отречения Наполеона он опубликовал брошюру «О конной статуе, которую французы желают воздвигнуть, дабы увековечить память Генриха IV». Королевская статуя явно должна была служить противовесом пирамиде, которую он в свое время предлагал построить в честь императора. В эпоху столь бурных социальных потрясений приспособленчество не знает границ, а поставщик армии готов, на худой конец, поставлять какие угодно мысли. Но, оставаясь в Туре, вчерашнему бонапартисту, спешно перекусившемуся в роялиста, трудно было бы доказать искренность своих новых убеждений. По счастью, Огюст Думерк, приятель Бернара-Франсуа (сын его первого патрона), сохранил прежнее влияние и добился для него должности интенданта Первой армейской дивизии в Париже. И в ноябре 1814 года вся семья, включая бабулю, поселилась в квартале Марэ, этой колыбели семейства Саламбье, в доме номер сорок по улице Тамплъ. Возвращение к родным пенатам!

---

¹⁹ Саше – замок, расположенный в окрестностях Тура, принадлежавший другу отца Бальзака Маргонну; в этом замке Оноре де Бальзак написал два своих самых популярных произведения – «Отец Горио» и «Лилия долины». В настоящее время в замке находится музей Бальзака.

Оноре отдали в пансион Лепитра, частное учебное заведение, где царил роялистский и католический дух; содержал этот пансион колченогий толстяк, ходивший опираясь на костыль; внешне он напоминал Людовика XVIII. В период якобинской диктатуры Жак-Франсуа Лепитр был замешан в заговоре роялистов, намеревавшихся похитить Марию-Антуанетту из Тампля. Этим Лепитр завоевал признательность вернувшихся Бурбонов; он был награжден орденом Почетного легиона. На деле же Лепитр, подобно Бернару-Франсуа Бальзаку, умело лавировал в трудные годы. Воспитанники пансиона посещали занятия в лицее Карла Великого. Учебное заведение Лепитра помещалось в старинном дворянском особняке Жуайез, в доме номер девять по улице Тюренна. Швейцар, «сущий контрабандист», «смотрел сквозь пальцы на самовольные отлучки и поздние возвращения воспитанников и снабжал их запретными книгами»; у него всегда можно было выпить кофе с молоком – такой аристократический завтрак был доступен лишь немногим, ибо при Наполеоне колониальные товары стоили очень дорого. Оноре, вечно сидевший без гроша, нередко бывал в долгу у этого человека. Подросток мог только мечтать о публичных гаремах Пале-Рояля²⁰, об этом «Эльдорадо любви», где его более богатые и бойкие товарищи познавали тайны женских чар и где «навсегда прощались со своим целомудрием». Тем не менее, если верить Мишле, некоторые воспитанники пансиона Лепитра проявляли определенную склонность к «хорошеньким мальчикам».

В 1815 году, в период Ста дней²¹, Лепитр приложил немало усилий, чтобы помешать манифестациям учеников, враждебных монархии. Он размахивал своим костылем, грозил непокорным, но так и не мог утешить фанатических приверженцев императора. Когда, словно по мановению волшебной палочки, произошла вторичная реставрация Бурбонов, многих бунтарей исключили из пансиона. Оноре Бальзака отпустили с миром 29 сентября – ему был вручен аттестат, где с похвалой отзывались о его трудолюбии и добронравии. Вполне возможно, что он по примеру своих товарищей с надеждой и восторгом следил за последней кампанией Наполеона. Генерал де Померель, убежденный бонапартист, после вторичного возвращения короля во Францию был изгнан из страны. Бернар-Франсуа, человек более осмотнительный, вышел невредимым из этой переделки.

Вскоре Оноре стал одним из воспитанников «по-отечески строгого» аббата Ганзера, священника, чьи предки были выходцами из Германии, весьма добродетельного человека, который после смерти своего компаньона Безлена один возглавлял учебное заведение, расположенное на улице Торины; как и в пансионе Лепитра, ученики посещали занятия в лицее Карла Великого. Юный Бальзак пробыл тут год в классе риторики. По латинским переводам он оказался на тридцать втором месте; узнав об этом, мать прислала ему гневное письмо, и по ее настоянию он был лишен прогулок. В воскресенье его «под надежной охраной» водили на улицу Тампль, где он брал уроки танцев. Госпоже Бальзак хотелось, чтобы ее сын стал гением, и, опасаясь, как бы он не разленился, она обращалась с ним особенно строго именно потому, что по-своему любила Оноре. Юноша писал довольно легко, и сестра Лора сохранила для семейного архива одно из его сочинений (речь, с которой жена Брута обращается к своему супругу, когда их сыновей приговорили к смерти). Это было сочинение ученика класса риторики, отмеченное печатью подражательности, не лишённое патетики, но обладавшее некоторыми достоинствами. В лицее Карла Великого Бальзак вновь встретился со своим закадычным приятелем по Вандомскому коллежу Баршу де Пенноэном; здесь появился у него и новый друг, добродушный толстяк Огюст Сотле. По-видимому, юноша Бальзак несколько месяцев слушал лекции профессора Вильмена, но тот уделял внимание лишь таким блестящим ученикам, как

²⁰ ...о публичных гаремах Пале-Рояля... – В истории галантного Парижа, столицы удовольствий, Пале-Рояль занимает особое место. С 1791 г. с декриминализацией проституции Тюильри и Пале-Рояль превращаются, по выражению братьев Гонкур, в «громадный рынок плоти». В здешних галереях располагались дома свиданий, игорные дома, кафе и лавки.

²¹ Сто дней – период с 20 марта по 22 июня 1815 г., когда после побега с острова Эльба Наполеон вновь провозгласил себя императором Франции.

Жюль Мишле²², и совершенно не замечал скромного воспитанника, затерявшегося в толпе посредственных учеников и занимавшего тридцать второе место по латинским переводам.

Когда в 1816 году Оноре без блеска закончил курс обучения, он, вернувшись в родительский дом, не обнаружил там никаких перемен. Бернар-Франсуа по-прежнему тщательно следил за своим здоровьем и «душевным спокойствием»; его супруга между тем «портила себе кровь» по любому поводу или даже без него. Лора и Лоранс воспитывались в пансионе для юных девиц, где их обучали английскому языку, игре на фортепьяно, шитью, вышиванию и правилам игры в вист; девушек знакомили также с отрывками из классических произведений и «начатками химии». Лора была первой ученицей в классе. Анри, любимчик матери, менял пансионы как перчатки, учился из рук вон плохо, но, несмотря на это, «мамаша души в нем не чаяла». Марэ, как и раньше, оставался одним из самых степенных кварталов Парижа – здесь ложились спать в девять вечера и улицы рано погружались во тьму, в то время как огни аристократического Сен-Жерменского предместья далеко за полночь пронизывали мрак. В Марэ водовозы-овернцы разносили по домам ведра с водой; печи здесь топили дровами, а комнаты освещали свечами и масляными лампами; плату за жилье вносили консьержке – это была могущественная особа, она могла предложить старому рантье в потрепанном парике съехать с квартиры, если ей не нравились его политические взгляды.

В квартале Марэ можно было жить в свое удовольствие, располагая десятью тысячами ливров годового дохода. Примерно такой доход и был у семейства Бальзак. По соседству обитали многочисленные друзья, принадлежавшие к средней буржуазии, коммерсанты, еще занимавшиеся торговлей или уже удалившиеся на покой; племя Саламбье – суконщиков и басонщиков; семейства Малюс и Седийо; дядюшка Даблен, старый холостяк, бывший торговец скобяными товарами (на вывеске его лавки был изображен золотой колокол), богатый коллекционер и великий книголюб, которому «честность и доброе сердце» помогли приобрести множество друзей. Оноре любил этих славных людей. Позднее, как и все художники его времени, он станет высмеивать «буржуа» и описывать пороки этого класса – своего класса, хотя будет при этом испытывать к ним «глубокую нежность и тайное восхищение». Старик Думерк скончался в 1816 году; семейство Бальзак поддерживало дружбу с его дочерью, Жозефиной Делануа, женой генерального поставщика (провиант и скот), женщиной весьма влиятельной. К числу их ближайших друзей принадлежал и Жан-Батист Наккар, домашний врач семьи, автор примечательного труда о теориях Галля²³ «Новая физиология мозга». Доктор Наккар настаивал на необходимости, изучая психологию, исходить из физиологии. По его словам, душа есть результат действия физических и химических сил в организме. Оноре читал книги Наккара, они помогали ему разрабатывать «систему унитарного человека», согласно которой нравственность сводилась к науке о нравах.

Окружавшие его люди остерегались занять определенную политическую позицию. Особенно в квартале Марэ – особняк Рамбуйе, особняк Севинье – больше уже не служили приютом для знатных родов. Правда, в этом квартале еще попадались скромные представители «дворянства мантии», но большая часть его обитателей принадлежала к зажиточной и почтенной буржуазии. Устав отрекаться от собственных убеждений, все эти торговцы и чиновники предпочитали теперь безобидные банальности серьезным взглядам, грозившим неприятностями. Многие своими глазами видели «величие и падение» Людовика XVI, Революции, императора

²² Мишле Жюль (1798–1874) – французский историк, литератор, член Академии моральных и политических наук. Автор многотомных исторических трактатов «История Франции» (1833–1867) и «История Французской революции» (1847–1853). Ипполит Тэн называл его работы «лирической эпопеей Франции».

²³ Галль Франц Йозеф (1758–1828) – австрийский врач и анатом, основатель френологии, теории о взаимосвязи между психикой человека и строением его черепа. Он считал, что по форме черепной коробки можно определить особенности памяти, жестокость или доброту, любовь к детям или склонность к агрессии, и составлял таблицы и карты, помечая те участки черепа, которые предположительно отвечали за эти качества.

Наполеона. Отныне они исповедовали благоразумную осторожность в политике и, опасаясь новой перемены режима, больше всего дорожили своей благонамеренностью. Почти все читали газеты в кафе, ибо выписать газету на дом означало неосмотрительно заявить о своих убеждениях. «Котидьен» и «Газетт де Франс» свидетельствовали о роялистских взглядах; «Конститусьонель» и «Деба» – о либеральных воззрениях. А читая все попеременно, можно было запутать следы.

В одном доме с Бальзаками жили их нотариус, мэтр Пассе, и старинная приятельница бабушки Саламбье, мадемуазель де Ружмон, женщина острого ума, хорошо помнившая старый режим и лично знавшая Бомарше. Оноре любил слушать ее рассказы о блестящей жизни этого человека. В истории Бомарше было нечто от сказок «Тысячи и одной ночи», а юный Бальзак обожал сказки. Почему бы и ему не сделаться драматическим писателем? Но у его матери были совсем иные взгляды на будущее сына. Мэтр Пассе выразил согласие взять Оноре к себе клерком, а позднее сделать его своим преемником. Чего уж лучше? Бернар-Франсуа, вечно увлекавшийся самыми необычными планами, вопрошал себя, не сулит ли наука больших шансов на успех. Но его супруга, умевшая, как никто, ценить время, не желала, чтобы Оноре хотя бы день пребывал в праздности, и решила незамедлительно приобщить его к судейскому сословию.

Четвертого ноября 1816 года Бальзак был внесен в списки слушателей факультета права, а три года спустя ему был выдан диплом бакалавра прав. Оноре пришлось одновременно частным образом обучаться и другим наукам, посещать лекции в Сорбонне и приступить к «серьезным занятиям литературой». В то время в Сорбонне и Коллеж де Франс читали лекции известные профессора – Гизо, Кузен. «Они, – замечает Жорж Прадалье, – как бы воплощали собою протест против ультрароялистов». Восторженное поклонение вызывал у студентов совсем еще молодой в ту пору Виктор Кузен. Между ним и слушателями существовало подлинно братское доверие. В те годы в сознании Бальзака жили две противоборствующие тенденции: он не принимал традиционного спиритуализма, свойственного христианству, в этом сказывалось влияние отца, атеиста и материалиста, который во всякой идеологии видел одну из глав зоологии; однако после Вандомского коллежа Оноре отпугивал чистый материализм. Им владела навязчивая идея – идея единства мира. Дух, материя – все тесно связано между собою. Кузен сделал своей доктриной эклектизм, он стремился примирить познание фактов, основанное на исследовании и наблюдении, с познанием самого себя, что относилось уже к области прямой интуиции. Бальзак внимательно слушал и запоминал, но из гордыни утверждал, будто «этот профессор составил себе громкое имя, изрекая то, что каждый может узнать, прочитав несколько книг».

Необыкновенно любознательный, Оноре часто ходил в Музей естественной истории. Там читал лекции Жоффруа Сент-Илер²⁴, зоолог и анатом, считавший себя философом. Этот ученый полагал, что наука не может ограничиться наблюдением и классификацией явлений; цель ее – рассуждать и делать выводы. Он основал так называемую «школу идей» в противоположность «школе фактов», созданной его коллегой Кювье. Бальзак восхищался главным образом Кювье, но Жоффруа Сент-Илер (вслед за Шарлем Бонне) выдвинул научную теорию «единства строения организмов»; доктрина эта способна была прельстить ум, склонный к широким умозрительным построениям. «Представляется, что природа ограничила себя определенными рамками и, создавая все живые существа, следовала единому плану: сохраняя верность главному принципу, она варьировала его на тысячу ладов». Короче говоря, каждый орган присутствует в зародыше во всех животных видах, но вследствие различных потребностей то, что в одном случае развивалось, в другом отмирало. Так, например, в своем знаменитом «Мемуаре о рыбах» Жоффруа Сент-Илер указывает на сходство, существующее между плавниками

²⁴ Жоффруа Сент-Илер Этъен (1772–1844) – французский зоолог, континентальный предшественник Ч. Дарвина, разработавший теорию единства строения организмов животного мира.

рыб и конечностями позвоночных. Принцип аналогии, принцип некоего равновесия органов живых существ (ресурсы природы незыблемы, и если в одном случае она расходует слишком много, то в другом непременно экономит) – вот основа, на которой покоится теория «единства строения организмов».

Молодой Бальзак, восприимчивый к такого рода оригинальным гипотезам, пока еще смутно мечтал о возможности когда-нибудь приложить их к человеческому обществу. Этот юноша был одержим неукротимым стремлением все постичь. Он жаждал понять причины и следствия. Свет первых размышлений помогал ему провидеть контуры величественной системы. К чему он ее применит? К философии? К произведениям искусства? Этому он еще не знал, но не сомневался в своих силах. Правы Виктор Кузен и Жоффруа Сент-Илер или нет, все равно так упоительно обсуждать эти грандиозные, хотя и расплывчатые теории со своими товарищами по факультету права (например, с толстяком Сотле, с которым он снова здесь встретился) или с молодыми студентами-медиками, обсуждать их в перерыве между лекциями, завтракая на восемнадцать су в «храме голода и нищеты», в кухмистерской Фликото – ее окна с частым переплетом выходили на площадь Сорбонны. А потом ведь можно ослеплять своими речами домашних: некогда застенчивый юноша постепенно становился столь же говорлив, как его отец. Однако родные не желали восторгаться этим и считали, что Оноре слишком много разглагольствует. После длинного монолога о магнетизме, оккультных науках или единстве мира он дурачился и болтал пустяки, как малый ребенок.

Родители требовали от него строжайшей дисциплины. Бернар-Франсуа полагал, что недостаточно слушать лекции по вопросам права в Сорбонне, надо тотчас же приобщаться и к юридической практике. Оноре пришлось все три года проработать у стряпчего и у нотариуса. Стряпчий принадлежал к числу друзей семейства Бальзак, его звали Жан-Батист Гийонне-Мервиль; то был превосходный юрист и весьма образованный человек, любивший литературу; когда Бальзак поступил к нему в контору клерком, Жюль Жанен²⁵ служил там сильным и младшим клерком, а незадолго перед тем здесь работал и Скриб.

Годы ученичества у Гийонне-Мервиля оказались весьма плодотворными для Бальзака. Он изучил судопроизводство, эту незыблемую процедуру, которая играла огромную, но еще очень мало изученную роль в жизни мужчин и женщин. Он «жил в мире, где были на короткой ноге со сводом законов и богиней правосудия». В будущем он превратит их в орудия своей мысли. «Именно с помощью юриспруденции, – писал де Саси, – его мысль попытается пробить себе дорогу в лабиринте существования». В конторе стряпчего завязываются семейные драмы, и здесь они находят развязку. Тут Оноре увидел женщину, стремившуюся лишиться всяких прав своего мужа, полковника наполеоновской армии, который вернулся из Германии после плена и, точно привидение, возник перед женою, вторично вышедшей замуж; юноша знакомился с сотнями порожденных жизнью романов, раскрывавших чаще всего низменные побуждения и реже – благородные порывы представителей рода человеческого. Он сидел рядом с клерками конторы, бедными и алчными молодыми людьми, которые делали вид, будто для них не существует ничего святого, и могли показаться чудовищами, но часто обнаруживалось, что они живут на свои сто франков в месяц в каморке на шестом этаже вдвоем со старушкой-матерью, о которой нежно заботятся. Переписывая прошения, клерки перемывали косточки клиентам. Они работали в полутемном помещении, где пыль превращалась в жирные хлопья; вдоль стен, украшенных большими желтыми объявлениями о продаже недвижимого имущества, тянулись громадные шкафы, набитые связками бумаг, конторки и письменные столы были испещрены пятнами. Здесь стоял тяжелый, острый запах сыра, котлет и дешевого шоколада, который

²⁵ Жанен Жюль (1804–1874) – французский писатель, журналист и литературный критик, член Французской академии, автор романа «Мертвый осел и гильотинированная женщина»; Скриб Эжен (1791–1861) – французский драматург, автор множества пьес (комедий и водевилей), а также оперных либретто.

варили себе клерки, смешивавшийся с запахом пыльных бумаг. Контора стряпчего – «одно из самых отвратительных заведений на службе общества», и все же именно тут молодой Бальзак постигал страшную поэзию жизни. Сам он обладал такой неистощимой фантазией (и так умел смешить людей), что часто мешал работать своим коллегам. Однажды старший клерк прислал ему записку такого содержания: «Господина Бальзака просят не являться нынче в контору, ибо предстоит очень много дел».

По вечерам он играл в бостон или вист с бабулей; с годами характер у нее смягчился, она питала слабость к внуку и порою умышленно проигрывала ему небольшие суммы, которые он употреблял на покупку книг. Оноре все больше увлекался чтением, ему нравились трудные, редкие, необычные книги; в нем, казалось, без всяких оснований крепились честолюбивые надежды, он не сомневался, что его ожидает слава, богатство и любовь. Если верить свидетельству его сестры Лоры, Бальзак, несмотря на вечное безденежье, с юности пользовался успехом у женщин. «Он хотел нравиться и вскоре стал героем весьма пикантных приключений; они еще слишком живы у многих в памяти, и я не решаюсь о них рассказывать. Могу только заверить, что, пожалуй, ни один мужчина не имел больших оснований уже на заре своей жизни сделаться фатом». И затем Лора Сюрвиль вспоминает о том, как Оноре выиграл пари, заключенное с бабушкой, добившись благосклонности одной из самых хорошеньких женщин Парижа, имя которой госпожа Саламбье необдуманно назвала, будучи уверена, что тут уж она никак не проиграет ста экю, служивших ставкой в споре. Однако Оноре выиграл, выиграл – несмотря на вечно растрепанные волосы и большой рот с уже выщербленными зубами: пылкое красноречие, красивые глаза, в которых сверкал ум, а быть может, также и молодость принесли ему победу. Бабуля отнюдь не была ханжой, и надо признаться, что в этом «небесном семействе» играли в довольно странные игры.

IV. Ученические годы гения

*Как и Мольер, он хотел сначала сделаться глубоким философом,
а уж потом писать комедии.*

Бальзак

Тысяча восемьсот девятнадцатый год внес большие перемены в жизнь семейства Бальзак. Граф Дежан, начальник Бернара-Франсуа, неожиданно предложил своему подчиненному, которому исполнилось семьдесят три года, подать в отставку. Старик терял внушительное жалование – семь тысяч восемьсот франков в год; и, несмотря на все его попытки добиться увеличения пенсии, на просьбу принять во внимание его прежнюю службу в качестве секретаря Королевского совета, размер годового пенсионера был определен ему всего лишь в тысячу шестьсот девяносто пять франков. К этой скромной сумме прибавлялись только доходы госпожи Бальзак (дом в Париже, ферма неподалеку от Тура), небольшие сбережения, помещенные в государственные бумаги, да пресловутая тонтина Лафаржа. В связи с тонтиной вставал вопрос о долголетию, и тут уж Бернар-Франсуа никого не боялся. Он знал сотню способов продлить жизнь и не раз вспоминал о венецианце Корнаро, который к сорока годам подорвал свое здоровье и тем не менее умер столетним старцем; он говорил на эту тему с утра до вечера, посмеиваясь над другими участниками тонтины, которые умирали один за другим: Бернар-Франсуа именовал их «дезертирами».

Итак, будущее сулило чудесное обогащение, но пока что доходы семьи сильно уменьшились и продолжать жизнь зажиточных буржуа в квартале Марэ стало невозможно. У Бальзаков были свои представления о достоинстве, и они не желали ронять себя в глазах соседей. Уж лучше поселиться где-нибудь за пределами Парижа. Жилье, провизия, слуги – все там будет не так дорого. Двоюродный брат госпожи Бальзак, Клод-Антуан Саламбье, согласился купить дом в Вильпаризи, на дороге в Мо, и сдавать его внаем своим родственникам. Селение это, расположенное на полпути между Парижем и Мо, насчитывало пятьсот жителей; беленные известью дома без украшений вытянулись вдоль главной улицы, которая была частью шоссе Париж – Мец. Отсюда в разных направлениях уходили дилижансы. Поэтому в селении насчитывалось шесть постоянных дворов, там останавливались пешеходы и верховые, большую часть постояльцев составляли обычно возчики, коммивояжеры и торговцы. На главной улице постоянно слышался стук колес, крики форейторов, возгласы бродячих комедиантов, выступавших с дрессированными животными. Почтальон доставлял корреспонденцию из соседнего городка Клэ.

В числе местных именитых жителей были: граф д'Орвилье, весьма скромный «замок» которого стоял против дома Бальзаков; Габриэль де Берни с семьей – парижане, приезжавшие сюда только на лето, и какой-то полковник в отставке. Двухэтажный дом Бальзаков имел пять окон по фасаду и увеличивался мансардой; в саду так густо разрослись кусты, что за ними не видно было плодовых деревьев и огорода. На втором этаже были три отапливаемые комнаты, где жили госпожа Саламбье, госпожа Бальзак и Лора. Ветеран тонтины Лафаржа, железный человек, довольствовался комнатой без камина, и дети побаивались «сквознячка из-под папиной двери». Лоранс спала в кабинете, расположенном рядом с комнатой Лоры. Когда Оноре приезжал домой, его помещали в мансарде. В доме были две служанки – глуховатая соседка Мари-Франсуаза Пелетье, которую все называли мамашей Комен, и кухарка Луиза Лорет, вскоре вышедшая замуж за садовника Пьера-Луи Бруэта.

Обитатели селения радушно встретили это живописное семейство, где, как пишет Мари-Жанна Дюри, «каждый был достаточно умен, образован, говорлив, недурно писал, но при этом отличался обидчивостью и раздражительностью». Бернар-Франсуа все еще одевался по

моде Директории, обладал завидным здоровьем, обедал в пять часов вечера, причем меню его состояло главным образом из фруктов (один из пресловутых рецептов долголетия!), а спать ложился с курами. Его комнату украшал книжный шкаф, ключ от которого он всегда носил при себе; выйдя на пенсию, старик целыми днями читал. Тацит и Вольтер помогали ему спокойно переносить нервные припадки супруги и обидные замечания тещи – она называла зятя «несносным хвастуном» и завидовала его бодрости. «Хорошее расположение духа изменяло Бернару-Франсуа только в тех случаях, когда, несмотря на выработанный им режим, его теории долголетия оказывались слегка поколебленными. Если у него разрушался зуб, этот прискорбный случай сильно огорчал его и повергал в уныние», – пишет в своей книге Мари-Жанна Дюри. Но он быстро успокаивался. «Все бrenно в этом мире, – говаривал он, – непреходяще одно только душевное равновесие». Если он страдал от подагры, то тешил свое тщеславие тем, что «это недуг аристократический», который восходит к самому царю Давиду. Больше всего Бернар-Франсуа сожалел, что, в отличие от вышеупомянутого царя, ему не дано жить в окружении шестисот юных наложниц.

Вдова Саламбье ездила в Париж, чтобы испросить совет у врачей и «ясновидящих»: она боялась, по ее собственному выражению, «выйти из игры», другими словами – «погрузиться в небытие». Лоранс доживала последние месяцы в пансионе и больше интересовалась балами, нежели учением. Лора усердно играла на фортепьяно, занималась английским языком; благодаря своему веселому и добродушному нраву она умела смягчать драмы, разражавшиеся в семье. Одной из подлинных семейных драм, о которой, по счастью, не знали соседи, был смертный приговор, вынесенный 14 июня 1819 года судом присяжных в Тарне Луи Бальса, брату Бернара-Франсуа: он был обвинен в убийстве работавшей у него на ферме молодой женщины Сесиль Сулье, которую якобы соблазнил. Беременную служанку нашли задушенной. Возможно, Луи Бальса был неповинен в ее смерти, а убийцей был нотариус Альбар, родственник того самого Альбара, в конторе которого начал свою карьеру Бернар-Франсуа. Как бы то ни было, но Луи Бальса гильотинировали в Альби 16 августа 1819 года. В переписке семьи Бальзак мы не находим даже намека на эту трагедию. Такое молчание красноречивее слов. Бернар-Франсуа не сделал ни малейшей попытки спасти своего брата. Забота о сохранении репутации взяла верх над родственными чувствами и даже над стремлением к справедливости. Этот добропорядочный буржуа никогда не грешил чрезмерной добротой.

Оноре не мог, да и не хотел покидать Париж. В январе 1819 года он сдал экзамены на бакалавра права. Теперь родители рассчитывали на старшего сына, надеясь, что он упрочит благосостояние семьи. Бернар-Франсуа упивался «блестящим каскадом замыслов, которые обрушивал на него сын». Мы уже знаем, что мэтр Пассе предлагал молодому человеку работу в своей нотариальной конторе, обещая в будущем передать ему дело. Выгодная женитьба позволила бы Оноре купить эту контору. Сын-нотариус, прочно стоящий на ногах, дочери, выданные замуж за молодых инженеров, выпускников Политехнического училища, да еще, если повезет, за дворян, – так выглядел успех в глазах обитателей квартала Марэ. Оноре упорно противился всем планам на его счет. Он тоже был честолюбив и горд, тоже стремился к успеху, но жаждал литературной славы. Почему? Быть может, потому, что он столько читал и с увлечением слушал рассказы о головокружительной карьере Бомарше; возможно, сыграли роль и брошюры отца. В семье все питали слабость к сочинительству. Однако если тут достаточно любили изящную словесность и не просто держали в книжном шкафу творения классиков, но читали их, то все же гораздо большее значение придавали богатству. Можно ли, занимаясь литературой, составить себе состояние? По мнению госпожи Бальзак, все дело было в этом. И в доме завязался жаркий спор. Даблен, дядюшка Даблен, удалившийся на покой торговец скобяными товарами, который слыл оракулом в своем кругу, где его считали образцом просвещенного человека, обладавшего тонким вкусом, заявил, что из Оноре ничего, кроме писмоводителя, не выйдет. Но Бернар-Франсуа лучше знал своего сына. Он ценил ум Оноре и возлагал на юношу большие

надежды. Коль скоро мальчик утверждает, что у него есть талант, пусть докажет на деле. Надо дать ему возможность испытать свои силы и положить на это два года, а родители будут давать сыну полторы тысячи франков в год.

Следует сказать, что такое предложение свидетельствовало о великодушии. Сумма эта составляла немалую часть доходов семьи, и ее уделяли молодому человеку не для продолжения занятий, суливших ему надежное положение в обществе, а для того, чтобы он писал драмы или романы. Такая наивная вера трогает, и за этот самоотверженный поступок можно простить госпоже Бальзак мелочную экономию на завтраках сына и всегда гневный взгляд. Она сняла для Оноре за шестьдесят франков в год мансарду в старом доме, помещавшемся на улице Ледигьер под номером девять, неподалеку от библиотеки Арсенала. Здесь он должен был провести время искуса. Однако Бальзаки стыдились признаться своим друзьям из квартала Марэ в том, что содержат в Париже сына, «который ничего не делает», и было решено говорить всем, будто Оноре живет в Альби у кузена. Вот почему он должен был меньше показываться на людях и выходить на улицу только после того, как спустятся сумерки. Связь между ним и Вильпаризи поручили поддерживать мамаше Комен – она часто ездила в Париж за покупками. Оноре и сестры окрестили ее «вестницей богов Иридой».

Если верить Бальзаку, его мансарда в шестиэтажном доме была конурой, «не уступающей венецианским „свинцовым камерам“». В это темное, низкое логово вела грязная лестница со сломанными ступеньками. «Как ужасна была эта мансарда с желтыми грязными стенами! От нее так и пахло на меня нищетой... в щели между черепицами сквозило небо... Комната стоила мне три су в день, за ночь я сжигал на три су масла, уборку делал сам... на прачку... не больше двух су, два су на уголь, и два су мне оставалось на непредвиденные расходы»²⁶. В действительности если в его мансарде и пахло нищетой, то это была лишь временная нищета молодого буржуа, сына зажиточных родителей, которому достаточно было вернуться к ним в Вильпаризи, чтобы вновь жить, не ведая нужды.

Оноре сам покупал провизию и сам готовил себе пищу. По условиям договора, заключенного с родителями, затворник с улицы Ледигьер ни с кем не виделся, за исключением дядюшки Даблена, которого он именовал своим Пиладом; тот изредка поднимался на шестой этаж, с тем чтобы надавать своему юному другу кучу советов, сообщить о том, что происходит в недоступном ему мире, и рекомендовать его вниманию «обитателей третьего этажа», у которых была довольно хорошенькая дочка, и владельцев дома, сдававших внаем мансарду. Чтобы укрыться от ветра, проникавшего в окно и дверь, Оноре смастерил ширму из синей бумаги, купленной за шесть су. Большую радость приносили затворнику визиты «вестницы богов Ириды», мамыши Комен, доставлявшей письма от Лоры; послания эти были забавные, нежные, а иногда ворчливые, ибо сестра, случалось, пересказывала упреки, которые мать обращала к своему блудному сыну.

«Папа сказал нам, что ты воспользовался свободой прежде всего для того, чтобы приобрести квадратное зеркало в позолоченной раме и гравюру для украшения комнаты; мама и папа этим недовольны. Милый брат, ты сам распоряжаешься своими деньгами, вот почему ты должен с умом употреблять их на оплату квартиры, стирку белья и еду. Когда мы думаем о том, какую брешь создадут потраченные тобою восемь франков в той сумме, которую в трудную для нас пору мама могла тебе выделить, то все мы – и прежде всего она – со страхом спрашиваем себя, на что же ты станешь жить; мама просит тебе передать, что ты совершил неловкость, позволив себе эту покупку, ибо этим дал понять, что приобретенное ею для тебя зеркало ни к чему и что она только напрасно истратила пять франков, а ведь она сейчас в стесненных обстоятельствах; вот почему она просит тебя прислать ей это зеркало с мамашей

²⁶ Бальзак. Шагреневая кожа.

Комен, ибо в такой комнате, как твоя, два зеркала, разумеется, не нужны. А потому, милый Оноре, впредь будь осмотрительнее и не повторяй подобных ошибок; мне хочется и приятно писать тебе только ласковые, нежные слова, я готова в крайнем случае передавать тебе мамнины советы, а выполнять ее сегодняшнее поручение мне не доставляет никакого удовольствия, ну ни малейшего».

Итак, все дело было в том, что слишком обидчивая мамаша не могла вынести, как это сын предпочел другое зеркало тому, которое выбрала она *сама*. Дальше Лора сообщала домашние новости:

«На вакациях у нас в Вильпаризи будет много народу, а ты ведь знаешь, как это важно в деревне! Все думают, что ты – по дороге в Альби, и возносят молитвы за путешествующих... Мы еще не знаем, окажутся ли дамы де Берни подходящими для нас знакомыми... Бабуля подарила нам три шляпки из простроченной соломки – теперь такие носят; они просто прелесть, сам посуди, как мы ими гордимся... Окрестности Вильпаризи чудесны, особенно хороши леса. Каждое утро, с шести до восьми часов, я сижу за фортепьяно; пальцы сами разыгрывают гаммы, а мысли мои уносятся на улицу Ледигьер».

Прелестный лепет юной девушки приводил Оноре в восхищение; он находил время отвечать ей длинными письмами. Брат, как и сестра, писал быстро, не раздумывая, «одним духом». То была «сердечная болтовня», она журчала, как чистый родник.

Мадемуазель Лоре, 12 августа 1819 года

«Ты хочешь узнать, дорогая сестра, подробности о моем переезде и моем образе жизни. Вот они! О своих покупках я уже писал маме; но сейчас ты содрогнешься: что там покупки – я нанял слугу!..

– Слугу, брат мой? И о чем ты только думаешь?

Слугу господина Наккара зовут Тихоня, моего зовут Я-сам. Пробудившись, я звоню ему, и он убирает мою постель.

– Я-сам!

– Чего изволите, сударь?

– Ночью меня кто-то искусал, взгляни, не завелись ли клопы.

– Помилуйте, сударь, какие еще клопы!

– Ладно.

Он начинает подметать, но делает это не слишком умело... Вообще-то, он славный малый; он старательно оклеил белой бумагой полки в шкафу возле камина, аккуратно сложил туда мое белье и даже сам приделал замок. Из синей бумаги, купленной за шесть су, и рамы, которую ему кто-то дал, он соорудил мне ширму; а потом побелил комнату – от книжной полки до самого камина.

Если он вздумает ворчать, чего пока еще ни разу не случилось, я пошлю его в Вильпаризи за фруктами или же в Альби – узнать, как поживает мой двоюродный братец».

О своей работе Бальзаку, увы, почти нечего сказать.

«Поверишь ли, целую неделю я все размышлял, мебель с места на место переставлял, из угла в угол шагал, потом что-нибудь жевал, но толком так ничего и не сделал. Роман „Бредни“²⁷

---

²⁷ Задуманный Бальзаком роман в письмах. – *Примеч. авт.*

теперь кажется мне очень трудным, пожалуй, он мне не по силам. Пока что я только учусь и совершенствую свой вкус».

Оноре читал запоем: стихи и прозу, французских и иностранных авторов, изучал философию истории, задавался вопросом, не сумеет ли он – после всех бурных перемен, принесенных революцией, а главное – после кодекса Наполеона – дополнить труд Монтескьё, написав книгу «Дух новых законов».

Лоранс (ей было семнадцать лет), как и Лора, писала брату; без всяких к тому оснований она считала себя глупенькой.

«Я вывожу из терпения бабулю, на всех нагоняю тоску, и они по праву сердятся на меня... Мама не делает никакого различия между двумя своими Лорами; должно быть, это ей нелегко дается, ведь сестрица – не мне чета... Почему так бывает в жизни: одна сестра – душечка, а другая – *никудышечка*?»

Еще одно словцо из семейного лексикона Бальзаков! В словарях вы «никудышечку» не найдете. Лоранс признавалась, что она завидует тому, как хорошо играет на фортепьяно «милая сестрица». Но на самом деле Лора и Лоранс нежно любили друг друга. Романтичная Лоранс уходила в *свои* заросли сирени, там она мечтала о будущих женихах и уже успела похоронить семерых – в их числе были и «танцующие пастушки», которых ей представлял кузен Саламбье, басонщик; девушка немного стыдилась, когда при посторонних он называл ее «кузина» и принимался разглагольствовать о своей лавке.

Как и все в семействе Бальзак, Лоранс позволяла себе весьма смелые насмешливые высказывания в духе Вольтера. Побывав на торжественном богослужении в столице, она писала сестре:

«После проповеди всякий, должно быть, чувствовал себя осужденным на муки ада и ввергнутым в геенну огненную; но бедные мои ноги заledenели, и я поняла, что еще не нахожусь в преисподней; вот почему я по-прежнему расположена совершать греховные проступки: ходить в театры, на балы и в концерты, во все эти *мирские вертепы*, рассадники *разврата*, где невинность и целомудрие... и так далее... и тому подобное».

Дети Бернара-Франсуа дерзко осмеивали общепринятые представления людей благонамеренных.

Оноре смотрел из своего окна на кровли Парижа, «бурые, сероватые или красные, аспидные и черепичные». Он обнаруживал «своеобразную прелесть... полосы света, пробивавшиеся из-за неплотно прикрытых ставен... сквозь туман бледные лучи фонарей бросали снизу желтоватый свет... у чердачного окна с полустгнившей рамой молодая девушка занималась своим туалетом», и он «видел только... длинные волосы, приподнятые красивой белой рукой»²⁸. Он проникался поэзией Парижа и по вечерам, чтобы подышать воздухом, бродил по Сент-Антуанскому предместью или шел на кладбище Пер-Лашез. В предместье он наблюдал за рабочими, смешивался с их толпой и вместе с ними возмущался хозяевами мастерских.

Иногда, следуя за какой-нибудь четой и прислушиваясь к разговору, он вдруг ощущал, будто сливается с этим мужчиной и с этой женщиной. Тут проявлялся его дар ясновидения.

«Моя наблюдательность приобрела остроту инстинкта: не пренебрегая телесным обликом, она разгадывала душу – вернее сказать, она так метко схватывала внешность человека, что тотчас проникала и в его внутренний мир; она позволяла мне жить жизнью того, на кого

---

²⁸ Бальзак. Шагреневая кожа.

была обращена, ибо наделяла меня способностью отождествлять с ним себя самого, так же как дервиш из „Тысячи и одной ночи“ принимал образ и подобие тех, над кем произносил заклинания... Слушая этих людей, я приобщался к их жизни; я ощущал их лохмотья на своей спине; я сам шагал в их рваных башмаках; их желания, их потребности – все передавалось моей душе, или, вернее, я проникал душою в их душу. То был сон наяву»²⁹.

Откуда взялась в нем эта способность? Он обладал ею с детства.

На кладбище Пер-Лашез, стоя на холме между могилами, он видел Париж, «извилисто раскинутый» вдоль берегов Сены, – Париж в синеватой пелене, сотканной из дыма и городских испарений. Зажигались огни. Глаза его жадно устремлялись к этим сорока тысячам домов. Между Вандомской площадью и куполом Дома инвалидов обитал в особняках тот высший свет, куда он хотел проникнуть и куда он надеялся силой собственного гения проложить себе путь в будущем.

Семья дала ему двухлетний срок, чтобы он мог проявить свой талант. За что приняться? Любознательность толкала его к философии. Он пытался постичь общество, мир, человеческие судьбы. В ту пору молодые люди зачитывались «Общей анатомией» Бишá и «Анатомией мозга» Галля, ученого, столь любезного доктору Наккару. В Вандоме, в Туре, а затем в Париже Оноре изучал труды мыслителей, не столь близких механицизму, – труды Декарта, Спинозы, Лейбница. В библиотеке, расположенной неподалеку от улицы Ледигьер, он взял книгу Мальбранша «Разыскания истины». Бальзак и сам ошупью искал собственную философскую теорию. Сохранились философские заметки, которые он набрасывал в 1817–1820 годы. Они свидетельствуют о его упорном желании создать свою доктрину, «сорвать последние покровы» с истины и о страсти к чтению самых разных авторов, унаследованной от Бернара-Франсуа. Тут фигурируют попеременно Платон и Бель, Диоген и Аристотель, святой Бернар и Рабле, решения Латеранского собора и труды индийских философов, Ламарк, Гоббс и другие. Он на всю жизнь сохранит вкус к перечислению имен людей выдающихся.

Он предполагал написать «Трактат о бессмертии души», хотя сам в это бессмертие не верил: «Увядание душевных сил доказывает, что и душа подчиняется законам, управляющим жизнью тела: она рождается, растет, умирает... Нет никакого сомнения в том, что память слабеет, что сила духа, мужество покидают человека, хотя он еще продолжает существовать».

Короче говоря, это был бы скорее трактат, отрицающий бессмертие души. «Мы еще не убеждены в существовании души. Как можно утверждать ее бессмертие, если даже не установлено, что она существует?... У нас нет иного бессмертия, кроме памяти, которую мы оставляем после себя, да и то при условии, что мир вечен». К тому же наш теолог, обитавший в мансарде, обнаружил, что догмат о бессмертии души был утвержден Латеранским собором: «Положение это заимствовано нами не у Христа, а у Платона».

Самое важное состоит не в философских взглядах молодого Бальзака, которые к тому же менялись, а в том, что он испытывал потребность в собственной философской доктрине. Он «не допускал, чтобы выдающийся талант мог обойтись без глубокого знания философии... Он был занят тем, что усваивал богатое наследие философии древних и новых времен»³⁰. Позднее, диктуя близкому другу предисловие³¹, в котором много автобиографического, он вспомнит о том времени, когда «господин де Бальзак, ютившийся на чердаке неподалеку от библиотеки Арсенала, работал без отдыха, сравнивая, исследуя, резюмируя произведения философов и медиков древности, Средних веков и двух последующих столетий, посвященные мозгу и мыш-

---

²⁹ Бальзак. Фачино Кане.

³⁰ Бальзак. Утраченные иллюзии.

³¹ ...диктуя близкому другу предисловие... – Имеется в виду Феликс Давен (1807–1836) – французский романист, поэт и журналист, по просьбе Бальзака написавший предисловие к «Философским этюдам» (1834) и к «Этюдам о нравах» (1835).

лению человека. Подобная склонность ума говорила об определенном предрасположении». Слова эти не были бахвальством, мы находим многочисленные следы его огромного труда: философская основа романов Бальзака была разработана им до того, как он приступил к их созданию. В ту пору, когда он жил на чердаке, он заложил фундамент, на котором позднее воздвиг свое монументальное творение.

Для того чтобы получить нужные для его духовных поисков книги, Оноре обращался к кому только мог. У дядюшки Даблена он просит Библию на латинском языке с французским переводом, у Лоры – Тацита из отцовской библиотеки.

«Лора, моя дорогая, моя любимая Лора, неужели никак нельзя *утянуть* Тацита („утянуть“ на семейном языке означало „украсть“, „утащить“)? У кого же все-таки ключ? Неужели папа никогда не выходит из комнаты?»

В ожидании Тацита он читал произведения других писателей древности. Вот что он писал Теодору Даблену:

«Я обдумывал обвинительную речь в духе тирад Цицерона против Катилины, – речь, направленную против вас, дядюшка. Как? Целый месяц прошел, а вы ни разу не заглянули на улицу Ледигьер *почердачить* со мною!»

Увы! Бальзак слишком хорошо знал, что одними философскими химерами не проживешь. Театр сулил больше земных благ. И он просит у дядюшки Даблена «Сицилийскую вечерню» Казимира Делавиня и «Марию Стюарт» Пьера Лебрена. Пьесы бывшего клерка из конторы адвоката Гийонне-Мервиля – Эжена Скриба – уже ставили многие театры. Но Скриб писал водевили; Бальзак метил выше. Отчего бы ему не создать пятиактную трагедию, да еще в стихах? В свое время он сочинил несколько поэм («Людовик Святой», «Иов»), но сам потешался над ними, ибо они свидетельствовали только о том, что их автор «лишен версификаторского дара». В самом деле, трудно представить, до какой степени он плохо чувствовал ритм стиха. И все же, прочтя два тома Вильмена, который сделал модным имя Кромвеля, Оноре решил избрать лорда-протектора героем своей трагедии. Он уже разработал ее план.

Лоре Бальзак, 6 сентября 1819 года

«Трепещи, дорогая сестра! Мне потребуется по крайней мере семь или восемь месяцев для того, чтобы сочинить сцены и переложить их стихами, но еще *больше* времени уйдет на окончательную отделку.

Главные мысли уже на бумаге; там и сям разбросаны несколько стихов, но я семь или восемь раз до основания изгрызу ногти, прежде чем мне удастся воздвигнуть свой первый монумент. (Ах, если бы ты только знала, с какими трудностями сопряжены подобные работы!) Достаточно тебе сказать, что великий Расин два года отделывал „Федру“, предмет зависти всех поэтов! Но ты только подумай: *два года, два года, целых два года!*

Мне необыкновенно приятно, трудясь до изнеможения (скоро я стану работать днем и ночью), приобщать к своим занятиям дорогих моему сердцу людей; мне кажется, если Небо одарило меня хотя бы крупицей таланта, то самым большим удовольствием для меня будет сознание, что слава, которой я могу достичь, распространится и на тебя, и на милую нашу матушку. Подумай только, какую радость я испытаю, если мне удастся прославить имя *Бальзак*! Какой счастливый удел – побеждать забвение... Вот почему, когда мне случается набрести на удачную мысль и я облакаю ее в звучный стих, мне чудится, будто я слышу твой голос: „Вперед, смелее!“ Я мысленно прислушиваюсь к звукам твоего фортепьяно и опять сажусь за стол, с новым жаром принимаюсь за работу!»

Само собой разумеется, он не желал творить, угождая вкусам современников. Он думал о потомстве. Труд писателя вовсе не казался ему легким. Оноре делает любопытные статистические подсчеты. В трагедии должно быть две тысячи стихов; стало быть, потребуется от восьми до десяти тысяч усилий мысли.

«Ах, сестра, как мучительна оборотная сторона славы! Черт побери, да здравствуют лавочники!.. Вот счастливы! Впрочем, нет, они всю жизнь проводят, торгуя мылом и швейцарским сыром!.. В таком случае долой лавочников! Да здравствуют литераторы!»

Порою он отдыхал от своего «Кромвеля», «делая наброски к небольшому роману в античном духе...».

«Выхожу редко, – писал он, – но когда у меня *ум за разум заходит*, я развлекаюсь прогулкой на кладбище Пер-Лашез!.. Но, даже навещая мертвых, я замечаю только живых».

Да и в своей мансарде на улице Ледигьер он порою принимал живых. Мать привозила свиной окорок, и это улучшало его обычный рацион. Дядюшка Даблен по-прежнему навещал его. Оноре всякий раз ожидал его прихода, чтобы поговорить о театре, о книгах, о политике с этим торговцем скобяными товарами, любившим классиков и придерживавшимся либеральных взглядов. «Коварный дядюшка, вот уже шестнадцать долгих дней я вас не видел. Как это дурно с вашей стороны, ведь вы – единственное мое утешение... Знайте, целую неделю я живу как в преисподней. Я ничего не видал, ни о чем не слыхал, никто мне и словечка не написал; даже мамаша Комен и та не показывается».

Ему уже осточертели англичане-цареубийцы, и все же он днем и ночью заставлял себя воспевать их французским александрийским стихом. «Я твердо решил: хоть околею, но доведу до конца „Кромвеля“ и напишу еще кое-что, прежде чем матушка потребует у меня отчета, на что я убил время». Впрочем, театр должен был стать только первым шагом. Он писал Лоре, которой привык поверять свои заветные мысли, что Французская революция еще далеко не закончена и что в дни политических кризисов возникает потребность в литераторах, ибо они знают человеческое сердце, – словом, если он будет держаться молодцом, а Оноре на это надеется, то добьется не только литературной славы, но и славы великого гражданина. «Я уподобляюсь Перетте с кувшином молока... Если в Вильпаризи ненароком продают гениальность, купи для меня, да как можно больше».

Он мечтал о том, чтобы в его мансарде стояло фортепьяно и можно было бы отдохнуть между двумя тирадами из трагедии, играя любимую пьесу – «Сон Руссо» Крамера. Запрет показываться на людях тяготил его. В октябре 1819 года он писал Теодору Даблену:

«Я еще не видел ни одной пьесы своего старого генерала Корнеля. А это очень плохо для новобранца. Так хочется посмотреть „Цинну“, что порою просто подмывает купить билет в огражденную перилами ложу. Кто, черт побери, разглядит меня из партера в толпе?»

Оноре похудел, побледнел, глаза у него ввалились, отросла борода, и вид был такой, точно он «вышел из больницы или играет роль в мелодраме». Он страдал от сильной зубной боли, но лечиться не хотел, заявляя, что «волки никогда не обращаются к дантистам и люди должны следовать их примеру». Это великолепное рассуждение, «достойное нашего папы», привело к тому, что у Бальзака уже в юности был щербатый рот.

Сердце его осталось в Вильпаризи. Не так-то легко было оторваться от «небесного семейства». У бабушки «совсем разыгрались нервы», но она все же тайком оплачивала счета пере-

плетчика, которому задолжал Оноре. Мамаша Ирида-Комен, прозванная также «балаболкой», приносила ему письма от Лоры, где на все лады повторялось одно: «Пиши, пиши, пиши». Он выполнял ее просьбу и восхищался эрудицией сестры, цитировавшей Монтескье: «Счастливы братья, имеющие таких сестер, как моя Лора». Она подтрунивала над его амурными похождениями, героиней которых была то едва знакомая ему барышня с третьего этажа, то еще какая-нибудь девица. «Ох уж эта Лора! Она желает видеть во мне Ловеласа! Но почему, скажите на милость? Добро бы я был Адонисом или Селадонем, а китайскому болванчику место не в алькове у дамы, а на ее камине». Оноре бы хотел, чтобы она представила его себе в ночном одеянии: на нем шерстяная фуфайка, а поверх – старый каррик, ибо в мансарде ледяная стужа; он просил сестру прислать ему колпак из красной мериносовой шерсти, подбитый ватой, словом, а la рара³². Его ужасало, как много масла сгорает в лампе. И тут же он выражал тревогу, что Лора слишком уж часто говорит о некоем Сюрвиле. Это был молодой инженер-путеец, окончивший Политехническое училище. Теперь Сюрвиль принимал участие в ремонтных работах на обводном канале реки Урк, он жил на одном из постоянных дворов в Вильпаризи. Сумев познакомиться с обеими сестрами Бальзака, он стал завсегдатаем их дома.

«Ты много говоришь о господине де Сюрвиле. Постарайся, чтобы он ухаживал не за тобой, а за Лоранс; кажется, он у вас частый гость. Будьте с ним любезны и следите за своей осанкой, как те благонравные девицы из квартала Марэ, о которых поется в песенке про бульвар Тампль; ведь всегда приятно одержать победу. Разве, собираясь ловить голубей, не привязывают одного возле силка? Разумеется, я не думаю, что вы расставляете силки, но замужество!.. Ох уж это замужество!»

Эжен-Огюст-Луи, известный под фамилией Сюрвиль, родился в Руане 5 июня 1790 года. Он был внебрачным ребенком провинциальной актрисы Катрин Аллен, взявшей себе в театре фамилию Сюрвиль и дебютировавшей под этой фамилией в 1785 году; его отец скончался до рождения сына. 22 февраля 1791 года богатый руанец Луи-Эмманюэль Миди д'Анде, «бывший дворянин», признал, что младенец – «сын его умершего брата», Огюст-Луи-Эжена Миди де ла Гренере, скончавшегося 9 октября 1789 года. В акте, составленном тремя нотариусами, указывалось, что, «желая обеспечить будущее ребенка и принимая во внимание трудности, с которыми сталкивается мадемуазель Аллен при воспитании сына, а также стремясь возместить ущерб, каковой могло ей причинить знакомство с господином Миди де ла Гренере», Миди д'Анде посредством дарственной записи назначает годовую ренту в тысячу двести ливров побочному сыну своего брата и незамужней матери ребенка.

Некий руанский журналист Жан-Габриэль Мильсан, назначенный решением окружного суда в Руане опекуном маленького Эжена и по личным мотивам принимавший участие в судьбе матери, ходатайствовал о том, чтобы мальчику разрешили носить имя отца, и добился, что в метрическое свидетельство ребенка внесли поправку. Решением суда от 14 вантоза II года Республики Эжен был признан «побочным сыном покойного Огюста Миди де ла Гренере, имеющим право в качестве такового считаться наследником своего отца». Однако юный Эжен продолжал называть себя Аллен-Сюрвиль, под этим именем он и был принят 20 ноября 1808 года в Политехническое училище. На вступительных экзаменах он занял двадцатое место, то есть оказался в числе лучших. В 1810 году юноша поступил в Императорское училище по строительству мостов и дорог, а позднее участвовал в кампании 1814 года в качестве лейтенанта инженерных войск. В 1817 году Сюрвиль был прислан для участия в работах на обводном канале реки Урк и выбрал Вильпаризи своим местожительством. Всю жизнь ему предстояло

³² Как у папы (фр.).

хранить верность своей несчастной склонности к сооружению каналов, и этого пылкого увлечения ничто не могло ослабить.

Поначалу Лора считала Сюрвиля мелкой дичью для себя. «В ту пору я еще жила в царстве мечты: вдруг я в один прекрасный день разбогатею, вдруг я выйду замуж за лорда, вдруг, вдруг, вдруг!...»

В Новый год он явился с конфетами, но напрасно. Его банальные подарки встречали с пренебрежением. Однако в мае 1820 года молодой инженер наконец воспользовался своим правом на отцовское имя – Миди де ла Гренере – и наследство. Узнав о брачных планах сына, Катрин Аллен открыла ему тайну его рождения. В письме, адресованном графу де Бекке, генеральному директору ведомства путей сообщения, Эжен указывал, что его матушка до сих пор не позаботилась добиться исполнения давнего решения суда, а потому ему пришлось съездить в Руан, чтобы узаконить свое гражданское состояние. И он просил отныне именовать его Миди де ла Гренере-Сюрвиль.

Это имя и пожизненная рента заставили родителей Бальзака взглянуть другими глазами на молодого человека. Инженер, окончивший Политехническое училище, да к тому же еще обладатель дворянской частицы «де», – нет, такими женихами не бросаются! На Лору оказали давление. Сюрвиль, часто ездивший в Руан по делам службы, взял на себя труд пересылать письма, которые сестры писали своему брату. То были чудесные письма. В семье Бальзак все владели пером гораздо лучше, чем сами полагали. Никудышный драматург, Оноре без малейшего усилия создавал образцы эпистолярного жанра.

Вот каким слогом писала Лоранс:

«ПРИДВОРНАЯ ХРОНИКА ВИЛЬПАРИЗИ

Вчера король присутствовал на богослужении. Я ошиблась, его величество никогда не посещает церковь. Вчера король подписал свадебный контракт своей дочери... Нет, он ничего не подписывал, ибо принцессы, его дочери, вовсе не выходят замуж. Вчера у короля заledenели ноги – вот это правда, ибо в комнате у него немыслимая стужа, а щели в двери даже не заделаны.

Вчера у королевы весьма сильно ныло плечо; придворные медики решили, что ее просквозило из окна гостиной. Надеются, что ее величество скоро исцелится. В стране множество гусей; они постоянно возятся в канаве перед замком, и это отравляет жизнь ее величеству; прошлой ночью эти несносные создания внезапно разбудили ее. Поелику Капитолий спасать не надо, королева была весьма разгневана, что гуси нарушили ее сон.

22 октября. – День тезоименитства ее величества королевы Анны-Шарлотты-Лоры Саламбье. Ее величество королева, неустанно заботясь о счастье своих подданных, желала бы отметить этот день народными празднествами, однако его величество король, радея о благе государства, выразил соизволение, чтобы годовщина столь знаменательного события была отмечена без особого шума. Это ужасно огорчило принцесс, которые уже собирались облачиться в свои праздничные одеяния и отправиться к дамам де Берни, дабы пригласить их в гости. Вот как предполагали отпраздновать этот день; хотелось бы, чтобы вы, по крайней мере, ощутили его аромат: наш семейный остро слов принцесса Лоретта направила послание в прозе кузену Саламбье, прося его превратить букет искусственных цветов в *угощение*; вышеупомянутый родственник должен был привезти свежее испеченную бриошь прямо от знаменитого Карпантье, савойский бисквит и жареные лионские каштаны; кроме того, он должен был прихватить с собой нескольких танцующих пастушков...

Таким образом, прекрасные принцессы уже заранее радовались возможности поплясать; к сожалению, план этот лопнул как мыльный пузырь.

Так или иначе, но торжественное празднество не состоялось, ибо кузен Саламбье, играющий видную роль при дворе, находился в это время в Эльбефе, где расположены его сукон-

ные фабрики. И радостный день прошел в кругу семьи; после обеда принцесса Лоранс ненадолго удалась; спустившись по очень крутой лесенке в погреб, она принесла оттуда остаток бордоского вина. Так что за десертом все пили здоровье августейшей королевы...

Господин де Сюрвиль приходит каждый вечер; этот молодой вельможа ведет себя безупречно; по словам королевы, он ни капельки не думает о принцессах (тем хуже, ибо Сюрвиль весьма поэтичный юноша); он – отличная партия, и такой брак послужил бы на благо Франции».

А вот образчик слога самого Оноре:

«В нашем квартале, в доме номер девять по улице Ледигьер, на пятом этаже, вспыхнул пожар; он возник в голове некоего молодого человека. Уже полтора месяца пожарные выбиваются из сил, однако потушить пламя не удастся. Юноша охвачен страстью к прекрасной даме, с которой он даже не знаком. Ее имя – Слава.

Ныне я понимаю, что не богатство составляет счастье человека, уверяю тебя, что те три года, которые я проведу (здесь), будут для меня всю остальную жизнь источником радостных воспоминаний. Ложиться спать когда заблагорассудится, жить, как тебе вздумается, работать над тем, к чему есть склонность, а когда не хочется, вовсе ничего не делать, не ломать голову над будущим, встречаться только с умными людьми (в их число я включаю дядюшку Даблена) и покидать их, когда они тебе наскучат, видеть глупцов только мимоходом и поспешно уходить, завидя их; думать о Вильпаризи, вспоминать только хорошее; иметь своей возлюбленной Новую Элоизу, своим другом – Лафонтена, своим судьей – Буало, своим образцом – Расина и местом для прогулок – кладбище Пер-Лашез... Ах, если бы это могло длиться вечно!»

Контурсы «Кромвеля» начинали с грехом пополам вырисовываться. Полный и подробный план трагедии был послан Лоре в ноябре 1819 года.

«Проникнитесь почтением, мадемуазель: к вам обращается Софокл. Милая сестра, по тем маленьким, очаровательным, забавным планам, которые рождаются в твоей маленькой, очаровательной, забавной головке, можешь судить сама, какого труда требуют театральные сочинения, где обязательно соблюдать три единства, где недопустимо неправдоподобие и так далее и тому подобное... Если тебя осенят какие-нибудь счастливые мысли, сообщи их мне. Но пусть они будут прекрасны, мне нужно только возвышенное. Я хочу, чтобы моя трагедия сделалась настоящей книгой королей и народов, я хочу начать с шедевра или же свернуть себе шею».

Младшая сестра Лоранс быстро росла, она жаловалась на слабость и сильно похудела. Теперь в ней нельзя было узнать прежнюю толстушку Лорансб. «Королева» повезла дочку в Париж, и там чудотворный доктор Жан-Батист Наккар «поставил ее на ноги». Лоранс продолжала вести «придворный дневник».

«Принцесса Лора по-прежнему прелестна, мила, весела и нежна, как ангел: мы очень любим друг друга... Я ее боготворю; она была рождена в счастливейший день; природа создала ее сердце совершенным. Я хочу избрать ее образцом для себя. *Хочу* во всем на нее походить, чего бы мне это ни стоило...

Господин де Сюрвиль по-прежнему бывает в доме; он очень умен, рассудителен и положительно совсем не думает о нас. Он не желает обзавестись властелином; он провозглашает: „Да здравствует свобода!“, разумея под этим холостяцкую жизнь».

Между тем Оноре, кутавшийся в свой старый каррик и натягивавший на голову «Дантову шапочку», дрожал от стужи у себя в конуре и мечтал купить какое-нибудь старое кресло, которое, по крайней мере, защищало бы его «спину от холода, а зад от геморроя». Работа подвигалась медленно. «Я написал стихотворный монолог в духе Шаплена³³, и стихи казались мне великолепными. Но, прочитав их внимательно, я обнаружил, что они почти все не удались. Какая досада!» В начале декабря госпожа Бальзак поднялась по крутой и грязной лестнице дома на улице Ледигьер. Она была сражена.

«Тот, на кого я так надеялась, тот, кто должен был упрочить положение нашей семьи, за несколько лет растерял большую часть сокровищ, которыми его щедро наградила природа; и все потому, что меня не послушались!»

Оноре уже мог бы продвигаться по пути успеха, пожалуй, мог бы добиться вожаемой должности старшего клерка, а он вместо этого бредит театром, с языка у него не сходят имена актрис. Он наказан, и поделом! – твердила мать. Все старшие клерки уверенно идут к благосостоянию, в будущем они могут стать министрами, генералами. А Оноре, гораздо более способный, чем они, сидит на хлебе и молоке, ютится в какой-то конуре, где вместо приличной мебели – продавленный стул, колченогий стол да жалкая койка. Вот достойные плоды его упрямства.

Между тем «Кромвель» потихоньку подвигался, но, увы, не без помощи больших порций кофе. Пьеса была откровенным подражанием произведениям римских классиков и трагедиям Корнеля и Расина. Так, например, Бальзак записывал: «Для гневного, обличительного монолога, которым заканчивается пятое действие, надо перечитать монолог Дидоны у Вергилия и монолог Камиллы у Корнеля». Чтение это оставило слишком явные следы. По примеру Камиллы, проклиная Рим, королева Генриетта прокликает Англию:

Ты ненавистен мне, коварный Альбион!..
Измена зреет тут, грозит со всех сторон!
Отныне, Франция, к тебе мое моление:
Тебе вручаю я свой трон, детей и мщенье!..

Пусть мститель из глубин моей страны встанет,
Пусть беспощадно спесь он с англичан собьет,
Пусть ненависти пыл его удар направит,
От Карфагена пусть он новый Рим избавит!

Боссюэ³⁴, Священное Писание и Оноре вместе участвовали в сочинении следующего стиха: «Учитесь, короли, как миром управлять!» Необыкновенно благородный Карл I был списан с императора Августа, изображенного в «Цинне». Словом, трагедия эта была плодом труда риторика, малоодаренного стихотворца, но человека достаточно образованного, который упорно трудился над неблагодарным материалом. Но каков бы ни был рожденный в мансарде «Кромвель», он привел в восторг почтенную матушку. Ее самолюбию льстило, что она произвела на свет автора пятиактной трагедии в стихах, пусть даже скучной. В январе 1820 года Лора писала брату: «Мама довольна тобой, твои труды ее восхищают». Госпожа Бальзак была восхищена

³³ Шаплен Жан (1595–1674) – французский поэт и литературный критик, автор од, сонетов, мадригалов, а также длиннейшей исторической поэмы «Девственница, или Освобожденная Франция».

³⁴ Боссюэ Жан-Бенинь (1627–1704) – французский философ, проповедник и богослов, писатель, епископ Мо; проповеди и наглядные речи Боссюэ отличались строгостью и ясностью, их высокая патетика сближает стиль Боссюэ с Корнелем и Расином.

до такой степени, что сама вызвалась переписать набело рукопись «Кромвеля» – у нее был красивый почерк.

Чтобы немного отдохнуть после изнурительной работы, Оноре решил провести несколько дней в Лиль-Адане, в чудесной долине Уазы, в доме старинного друга своего отца Луи-Филиппа де Вилле-Ла-Фэ. Господин де Вилле, священник и каноник, не страдавший религиозным фанатизмом, с 1782 по 1790 год исправлял выгодную должность дворцового капеллана у графа д'Артуа. После революции он сложил с себя сан и вернулся к мирской жизни; собственно говоря, он никогда от нее не отказывался. Он всегда был волокитой и доживал свои дни под одной крышей со своей давней приятельницей, которая «вела дом»: то была Эме Ама де ла Плэн, вдова некоего господина де Нюси. Вилле «постоянно выказывал дамам весьма галантные знаки внимания». Он любил юного Оноре и обычно с удовольствием принимал его у себя. Привязанность эта была взаимной. В ту пору, когда Бальзак жил в мансарде, он писал сестре Лоре:

«Я испытываю сильные угрызения совести из-за того, что мы не доверили господину де Вилле нашу тайну, ведь он так ко мне расположен; к тому же он не знает никого, кому мог бы нас невольно выдать; как всякий мужчина, у которого было много любовных приключений, он не болтлив; а ты сама понимаешь, что после зимы, которую я проведу в изнурительных трудах, мне потребуется с наступлением хорошей погоды отдохнуть хотя бы две недели. Ты знаешь, что Лиль-Адан для меня рай земной, он оказывает на меня самое благотворное воздействие. Не подумай только, что мне просто надоело жить впроголодь, нет, я счастлив, как никогда. Но ведь славный господин де Вилле так меня любит. Напиши же ему, что и я люблю его по-прежнему. Ну, там видно будет».

Влияние, которое бывший священник граф де Вилле оказывал на молодого Бальзака, расшатывало веру да и добродетель юноши. Разумеется, старик был достаточно тактичен и не хулил религию, которой был стольким обязан. Но его любовные похождения сами по себе «доказывали относительность нравственных устоев».

Отец предложил Оноре на обратном пути из Лиль-Адана заехать в Вильпаризи. У них соберутся несколько друзей, и молодой автор прочтет им свою трагедию. Бальзак предвкушал триумф и настаивал на присутствии дядюшки Даблена, который в свое время объявил, что из него ничего, кроме писмоводителя, не выйдет. Сестра Лора вспоминала:

«Друзья собрались, и торжественное испытание началось. Энтузиазм чтеца мало-помалу угасает: он замечает, что труд его не оказывает на слушателей ожидаемого впечатления; на лицах окружающих – холодное равнодушие либо недоумение».

Едва дождавшись конца чтения, дядюшка Даблен, торговец скобяными товарами с замашками дунайского крестьянина³⁵, с присущей ему резкостью, без обиняков высказывает свое мнение о «Кромвеле». «Оноре протестует, оспаривает его суждение, но остальные слушатели, хотя и более снисходительно, также в один голос заявляют, что произведение весьма далеко от совершенства». Самолюбие госпожи Бальзак уязвлено, нежные сестры, Лора и Лоранс, сильно огорчены. Славный Бернар-Франсуа страдает оттого, что страдает его любимый сын. И старик предлагает показать «Кромвеля» человеку сведущему и беспристрастному. Сюрвиль, влюбленный в прелестную Лору, спешит предложить свои услуги: он может пере-

---

³⁵ С. 74...с замашками дунайского крестьянина... – аллюзия на известную басню Лафонтена (обвинительная речь крестьянина в римском сенате, обличающая злоупотребления наместников).

дать рукопись академику Андрие, драматическому писателю, который преподавал литературу в Политехническом училище.

Оноре согласился и поспешно испещрил рукопись своего труда хитроумными предупреждениями: «Здесь имеются некоторые погрешности против французского языка, но допущены они умышленно». Лора заново переписала рукопись, и в августе 1820 года «Кромвеля» отнесли к опытному судье. Андрие был славный человек, но посредственный стихотворец, «рабски подражавший классикам»; его собрат по перу Лебрен сказал о нем:

В рассказах, где полно острот
(Их Андрие легко кропает),
Некстати рифма вдруг мелькнет
И прозу прелести лишает.

Академик добросовестно прочел труд начинающего писателя. Госпожа Бальзак пришла вместе с Лорой, чтобы выслушать его мнение. Андрие объявил, что юный автор с большей пользой мог бы употребить свое время на что-либо другое, вместо того чтобы сочинять трагедии и комедии. Он прибавил, что не хотел бы обескураживать молодого человека и готов разъяснить ему, «как именно следует подходить к занятиям изящной словесностью». На письменном столе валялся листок с замечаниями академика, навеянными чтением «Кромвеля»; Лора завладела этим листком и передала его брату. Там содержалось еще более суровое суждение:

«Автору надлежит заниматься чем угодно, *но только не литературой*».

Оноре мужественно встретил этот приговор, он не дрогнул, не склонил головы, ибо не считал себя побежденным. «„Трагедия – не моя стихия, вот и все“, – объявил он и снова взялся за перо», – рассказывает Лора.

Была сделана еще одна, последняя попытка спасти злополучного «Кромвеля». У дядюшки Даблена был лучший друг – Пепен-Леалер, фабрикант, поставлявший военное обмундирование; ему принадлежал дом номер восемь по улице Ришелье, против театра «Комеди Франсез»; домовладелец хорошо знал своего жильца, актера Лафона, пайщика этого театра. Даблен пообещал уговорить Лафона прочитать пьесу, но потребовал, чтобы Бальзак подчинился вердикту, каким бы тот ни оказался: «Предоставьте судить о своих детях тем, кто охотно признаёт их очаровательными, если только они и в самом деле таковы». Однако совет остался всуе. Когда Лафон нашел трагедию неудачной, Бальзак объявил Пепен-Леалеру, что «Лафон – человек глупый и не способен оценить пьесу до достоинству». В глубине души Оноре отлично понимал, что «Кромвель» осужден безвозвратно, что, если он и дальше хочет писать, ему следует разрабатывать другую жилу.

Не надо думать, что первая неудача обескуражила его. Он по-прежнему непоколебимо верит в свои силы. Уж он найдет способ проявить свой талант! Романтическое отчаяние никогда не было свойственно молодому поколению семейства Бальзак. Здесь охотно смеялись, позволяли себе «шутить с любовью», терпеливо ожидали славы и богатства. 18 мая 1820 года Лора вышла замуж за Сюрвиля; венчание происходило в Париже, в церкви Сен-Мерри, в присутствии всего клана Саламбье. В брачном контракте мать Эжена была поименована «госпожа Катрин Аллен-Сюрвиль, супруга покойного Миди де ла Гренере, ныне его вдова»; свидетелем со стороны жениха выступал его опекун «Жан-Габриэль Мильсан, литератор». Вдова и опекун ее сына, видимо, сожительствовали, потому что оба проживали в одном доме – в доме номер четыре по улице Пуассоньер. Вместе с ними жила побочная дочь госпожи Катрин Аллен, Теодора; однако вполне возможно, что Сюрвиль сообщил Бальзакам все эти щекотливые подробности семейной жизни своей матери только после свадьбы.

Впрочем, какое это имело значение? «Приличия были соблюдены, и Эжена Миди де ла Гренере-Сюрвиля можно было считать лицом, вполне подходящим для роли зятя». Лицом?

Да, разумеется. Личностью он был менее выдающейся. Когда молодые приехали в 1821 году в Байе, куда получил назначение Сюрвиль, выяснилось, что он, в общем-то, заурядный инженер второго класса и жалованье у него соответственное – двести шестьдесят франков в месяц. Это было гораздо меньше, чем сулили условия брачного контракта и честолюбивые стремления Лоры, но новобрачная была достойной представительницей семейства Бальзак, и если не могла похвалиться настоящим, то сама придумывала себе блестящее будущее. Уж она-то продвинет мужа по службе, пустит в ход свои связи и добьется для него подряда на строительство всех каналов Франции. Наше «небесное семейство» владело несметными, но, увы, только воображаемыми богатствами.

В ожидании маловероятного продвижения мужа по службе Лора приглашала родных к себе в Байе.

«Если к нам приедет бабуля, то о ней тут будут очень заботиться. У меня есть служанка Евфрасия, и она отлично станет за ней ходить; на себя я беру маленькие знаки внимания – грелку или коврик под ноги, я буду сопровождать ее во время прогулок, играть для нее на фортепьяно, вместе с ней рукодельничать... Если же приедет папа, он сможет отдыхать, как ему заблагорассудится, в своей комнате – музыка, газета после обеда и прочее... А почему бы брату не отказаться от поездки в Турень и не пуститься по дороге, ведущей в Байе?»

Обращаясь к матери, которая постоянно пребывала в дурном расположении духа, Лора ласково ее поучает:

«Прочитав эти строки, ты, конечно, скажешь: „О дочь моя, сразу видно, что ты привыкла к счастью; твою философию и веселость никогда еще не омрачали грозы; прошлое неизменно навевает тебе счастливые мечты о будущем“. А я тебе отвечу, что и у меня бывают горести, но уж так я устроена, что сразу забываю о темной туче, едва она пройдет, а ты, милая мама, обязательно оглянись и будешь смотреть ей вслед».

Очаровательная Лора выказывала себя мудрой моралисткой; характер у нее был покладистый, и если ей порою нелегко приходилось с мужем, то объяснялось это тем, что он и впрямь был нелегким человеком.

С присущей ей смелостью она даже отваживается писать матери: «Ты вышла замуж за папу, можно сказать, по рассудку, ты испытываешь к нему неизменную дружескую привязанность, но, быть может, никогда его не любила». Госпожа Бальзак в свою очередь строго наставляет дочь:

«Я все же еще позволю себе разговаривать с тобою как мать, глубокоуважаемая и высокопоставленная дама. А потому прошу тебя, друг мой, остерегайся комплиментов, которыми тебя осыпают. Счастье встречается редко; достаточно легкого дуновения, чтобы оно рассыпалось в прах».

Уж в этом-то госпожа Бальзак отлично разбиралась – она ведь собственными руками разрушила свое счастье. Позднее, когда Лора благоразумно удалила слишком настойчивого поклонника, успокоив тем самым тревогу Сюрвиля, мать писала ей: «Рекомендую тебе, моя милая, бережнее обращаться с человеком, сердце которого не было бы столь ревнивым, если бы в нем было меньше любви».

Оноре мог возвратиться в Вильпаризи: там ему нетрудно будет найти для себя сюжеты и даже модели.

Надо сказать, что его далекоидущие планы не изменились: «Два моих огромных и единственных желания – быть знаменитым и быть любимым; исполнятся ли они когда-нибудь?» Позднее, рисуя образ молодого человека, он будет вспоминать о том, каким сам был в двадцать лет.

«Сколько сказок „Тысячи и одной ночи“ бродят в юношеской голове?.. Сколько волшебных ламп суждено нам испробовать, прежде чем мы убеждаемся, что подлинная волшебная лампа – это счастливый случай, упорный труд или талант? Для иных людей пора мечтаний и фантастических грез длится недолго; мои же грезы длятся до сих пор! В те времена я всегда засыпал или великим герцогом Тосканским, или миллионером, или возлюбленным принцессы, или знаменитостью»³⁶.

Перестанет ли когда-нибудь Бальзак, даже завоевав своим трудом и гением принцессу и славу, жалеть о волшебной лампе Аладдина?

---

³⁶ Бальзак. Онорина.

V. Первые романы, первая любовь

...Женищина, посвятившая себя тому, чтобы вовремя предостерегать меня от скрытых на пути опасностей... и давать советы, щадя при этом мою гордость.

Бальзак

Он покинул мансарду еще до конца 1820 года. Родители хотели вернуть блудного сына в Вильпаризи. Лора вышла замуж, комната ее освободилась. Оноре покорился. И все-таки...

«Природа неизменно окружает розы шипами, а к радостям примешивает множество огорчений. Матушка следует примеру природы... Милая сестра, живя здесь, я стану подражать папе: ничего не буду говорить».

Правда, не было недостатка в возможностях отвлечься от унылого существования. Семейство Бальзак сохраняло за собой жилище в квартале Марэ, и, воспользовавшись дилижансом, старший сын мог иногда проводить денек-другой в Париже. Вилле-Ла-Фэ приглашал молодого человека в Лиль-Адан, и тот с удовольствием гостил там: читал Бюффона³⁷, работал, играл в триктрак и заставлял гостеприимного хозяина рассказывать истории о былых временах. Господин де Савари, тесть Жана де Маргонна, также питал симпатию к Оноре, которого считал очаровательным собеседником, и настойчиво приглашал его в Турень, в свое поместье Кайери, в Вуврэ. Словом, жизнь у юного Бальзака была вполне сносная; он любил отца, мирно доживавшего свой век и всегда сохранявшего хорошее расположение духа. Однако Оноре все еще не добился ни независимости, ни прочного положения и, по словам сестры Лоранс, обитал на улице Пустой Мошны.

---

³⁷ Бюффон Жорж-Луи Леклер (1707–1788) – французский натуралист, биолог, математик, естествоиспытатель и писатель, автор многотомной «Естественной истории»; поддерживал теорию об изменчивости видов под влиянием условий среды (климата, питания и т. д.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.